

CRIME & PRIVATE

анна

Данцилова

ДЕВУШКА ПО ВЫЗОВУ

Казалось, лишь смерть принесет ей избавление,
но случайная встреча изменила все...

Crime & private

Анна Данилова

Девушка по вызову

«ЭКСМО»

Данилова А. В.

Девушка по вызову / А. В. Данилова — «Эксмо», — (Crime & private)

ISBN 5-04-005721-0

«Сладкое мясо» – так называл этот безжалостный сутенер своих молоденьких рабынь. Но жизнь их была далеко не сладкой, хотя тщательно подобранный контингент престарелых клиентов приносил Перову огромные барыши. Убита узнавшая слишком много о нем Лена. И только чудо помогло остаться в живых рыжеволосой красавице Эмме. Но где-то в ее обожженном болью сердце уже вызревает возмездие...

ISBN 5-04-005721-0

© Данилова А. В.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	6
С. Общежитие при ПТУ-2. 1994 г.	6
Мюнхен. Август 1999 г.	7
С. Июль 1996 г.	8
Глава 2	14
С. Общежитие при ПТУ-2. 1994 г.	14
Луговое. Июль 1996 г.	16
Сухое. Октябрь 1992 г.	22
Глава 3	24
С. Квартира на улице	26
С. Июль 1994 г.	29
Луговое. Июль 1996 г.	30
Глава 4	37
Луговое. Июль 1996 г.	37
Глава 5	46
С. Июль 1996 г.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анна Данилова Девушка по вызову

Дорогой милый Миша!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое ваше внимание!

Учитесь, познавайте и
используйте возможности в
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (франц)

Глава 1

С. Общежитие при ПТУ-2. 1994 г.

Лена Кравченко лежала на полу посреди комнаты и, казалось, смотрела в потолок.

Наташа, открыв дверь комнаты своим ключом и увидев распростертое и неподвижное тело подружки, сначала молча рассматривала ее при тусклом свете настольной лампы и только спустя пару минут, немного придя в себя, плотно закрыла за собой дверь и, едва переступая ослабевшими ногами, подошла к телу. Опустилась перед ним на колени...

– Лена, Леночка... Ты что? Что с тобой?

Красное ватное одеяло, которым довольно небрежно было прикрыто тело, сливалось цветом с ночной сорочкой Лены, пропитанной кровью...

На столе, покрытом клеенкой, были разложены окровавленные хирургические инструменты, ватные тампоны, навалены горой белые вафельные полотенца в пятнах крови. Рядом стояла большая прозрачная бутылка со спиртом.

...Оглушенная биением собственного сердца, Наташа Балясникова выбежала из комнаты и, остановившись у конторки, в которой дремала над вязанием вахтерша Полина Яковлевна, спросила ее как можно спокойнее:

– Вы не знаете, к нам кто приходил?

Старушка открыла глаза – кофейно-мутные, в розовой кайме воспаленных век – и, улыбнувшись, показала ряд голубоватых искусственных зубов:

– Женщина одна была, к Леночке Кравченко приходила, сказала, что из собеса.

– Из собеса?

– Она и документ показала, я, правда, не рассмотрела как следует. А что? Оставила чего?

– Да нет... Это я так просто. А она давно ушла?

– Да я и не видела, когда она выходила...

Мюнхен. Август 1999 г.

– Берта, у меня, наверное, развивается паранойя... Мне постоянно кажется, что за мной кто-то следит... Но кому я нужна, спрашивается... – Эмма встала и подошла к окну. Оно было распахнуто, с улицы доносился шум проезжающих автомобилей, велосипедных звонков и шелест листвы.

– Фрау Эмма, здесь недалеко, в лавке на соседней улице, я видела чудесную старинную вазу... Это, конечно, не мое дело, но вы так любите цветы, а вот ваз в доме явно недостаточно... Эти красные розы, они так хороши, но им тесно... Мы можем пойти вместе и приобрести эту вазу... – Берта говорила с приятным акцентом.

Эмма повернулась и посмотрела на Берту непонимающим взглядом. Но потом, когда до нее дошел смысл сказанных слов, она лишь развела руками. Склонившись над букетом красных тугих роз, она глубоко вдохнула в себя их аромат. Вот уже два года она живет в Мюнхене и не перестает удивляться тому, какую роль в ее жизни стали играть цветы. Они теперь повсюду: в спальнях, гостиной, кухне и даже в ванной. Берта едва успевает менять в них воду, а приносят все новые букеты... То придет посыльный со скромным, но изящным букетиком розовых и белых маргариток, завернутых в белую гофрированную бумагу, то принесут охапку роз, тюльпанов, гвоздик... Другая жизнь, другие ароматы, другие интересы... И только воспоминания останутся прежними, и никуда уже от них не деться...

– Хорошо, ты меня уговорила, сейчас же пойдем в твою лавку... А заодно встретим Прозорова...

Зазвонил телефон, Эмма взяла трубку.

– Господин Прозоров задержится в клубе, – услышала она голос, принадлежащий компаньону Володи, и настроение ее моментально испортилось.

– Хорошо, Питер, передайте моему мужу, что я, так и быть, не стану ждать его к ужину... Хотя мне непонятно, почему звоните вы, а не он... Он что, так занят?

– Да, он занят, фрау Эмма, и не может подойти к телефону...

Стоило ей положить трубку, как тут же раздался еще один звонок. Звонивший молча дышал в трубку. Эмма пожала плечами: если это Прозоров, то почему молчит? Ему неловко? Или он хочет услышать слова благодарности по поводу только что присланного букета? Как странно...

Эмма подошла к зеркалу. «Фрау Эмма...» Достала шпильку, и волосы тяжелой золотой волной упали на плечи. «Фрау Эмма... Эмма, Эмма!..»

С. Июль 1996 г.

Этот мужчина смотрел на нее всю дорогу. Казалось, он пытался прочесть ее мысли. Да что их читать, когда и так все ясно? Эмма завидовала людям, умеющим скрывать свои чувства и мысли. Забившись в самый угол жесткого деревянного сиденья электрички, она хотела одного: уснуть и не просыпаться никогда. Лицо, опухшее от слез, выдавало ее, что называется, с головой. Эмма достала зеркальце, но посмотреть на свое отражение так и не решилась, спрятала его обратно в сумку. Повернулась к окну, но вместо темно-голубого пространства пролетающих лесов, полей и дачных поселков снова увидела свое лицо. Ей не оставалось ничего другого, как разглядывать немногочисленных в этот поздний час пассажиров. Это были нормальные люди, которые днем работали в городе, а вечером возвращались на свои дачи, где их поджидал ужин в кругу семьи, приятные заботы, связанные с домочадцами, садовые перчатки, лейки, грядки с поспевшей клубникой и отяжелевшие ветки вишен... Это их жизнь, и ей не место там, где живут эти добропорядочные и ЧИСТЫЕ люди. Таких, какой стала она, они никогда не примут в свой круг. И правильно сделают. Ее удел – разрушать эти семьи, отравлять ядом вседозволенности умы благообразных мужчин, ублажать их тела и души, а заодно и облегчать кошельки.

Три часа тому назад она покинула квартиру одного из таких счастливиц. Ему сорок восемь лет, он женат, имеет взрослых детей и вот уже полгода встречается с Эммой на квартире, которую называет приторным словом «гнездышко». Он разлюбил свою жену и открыл для себя совершенно другую жизнь с двадцатилетней Эммой, которая играет ему на гитаре, поет, танцует в прозрачной рубашке под музыку Леграна и делает ему массаж с персиковым маслом. У него белое рыхлое тело, бледное лицо, редкие волосы ржавого оттенка, красные жесткие волоски на пальцах рук и седые, с желтизной и какие-то примятые на груди. Он любит смотреть на Эмму, принимающую угодные ему позы на ковре возле карточного столика, и чувствует себя несчастным, когда даже самые откровенные и недвусмысленные движения, которые она для него производит, не возбуждают его вялую и уже хронически равнодушную плоть. Эмма ушла от него после того, как он признался ей в любви и попросил стать его женой. «Я больше не смогу приходить к вам, – сказала она ему, торопливо одеваясь, – вас же предупредили...» – «Но я полюбил тебя, Эмма, я хочу, чтобы ты родила от меня ребенка...»

Перов, который познакомил Эмму с этим господином, не церемонился. «Он тебе уже не нужен. Будет преследовать, качать права, мешать твоей работе...» Она приносила Перову деньги и, записав следующий адрес, шла к другому мужчине. Но она была одна, а мужчин много. Поэтому постепенно образовался определенный круг и даже своеобразная очередность ее визитов. Ее ждали, встречали улыбками, цветами и подарками. А уходила она под утро, положив в сумочку смятые «зеленые». «Тебе везет, ты работаешь в основном с импотентами», – говорил Перов. И он был прав. Мужчины, с которыми она проводила время, были слабаками во всех смыслах. С ее рук они пили иллюзии собственной силы, страсти и обаяния.

– ...я не поняла... – Эмма очнулась от воспоминаний и сморщила лоб, напрягаясь, чтобы уловить смысл произнесенных мужчиной слов. – Повторите еще раз, пожалуйста, что вы сказали?

Мужчина, сидевший в середине вагона и вот уже в течение целого часа разглядывающий ее, теперь оказался прямо напротив Эммы и о чем-то спрашивал ее. Но из-за звона в ушах, от сильной усталости и общего болезненного состояния она никак не могла сосредоточиться на его голосе.

– Я только хотел спросить вас, все ли с вами в порядке... У вас такое лицо... Быть может, вам нужна помощь?

Мужчине было под сорок, он был худощав, смугл, а волосы, волнисто и аккуратно обрамлявшие тонкое умное лицо, были совершенно седыми. Большие, почти черные глаза, прямой

изящный нос, полные розовые губы и впалые щеки делали незнакомца необычайно красивым. Эмме не часто приходилось встречать столь одухотворенные и совершенные лица, как у этого господина. Казалось, такие люди сделаны из иного, более качественного материала, больше того, они, как правило, всегда знают, чего хотят от жизни, и живут результатами деятельности лишь своего ума, но никак не рук. Вот и этот мужчина выглядел на редкость холемым, ухоженным, чистым и производил впечатление человека, не совершившего в своей жизни ни одной ошибки.

– А почему вы спрашиваете меня об этом? – Эмма попыталась взять себя в руки. Реальная жизнь, заключающаяся сейчас в этой совершенно бессмысленной поездке в неизвестность, надвигалась на Эмму с устрашающей быстротой. Ведь она села на первую же попавшуюся электричку, только чтобы поскорее уехать из города. Но куда? Этого не знал никто. Она бежала от Перова, от себя и от той жизни, в которой больше не могла существовать. Быть может, стук колес напомнил ей о возможности быстро и страшно переместиться в ИНОЙ мир? Она вздрогнула от представленного: распростертое окровавленное тело на рельсах...

– Да потому, что у вас взгляд человека, который сильно напуган... у которого случилось несчастье...

– А вы кто? Волшебник, который помогает заплаканным девушкам в электричках? – Она говорила не зло, а просто произносила какие-то фразы, чтобы не молчать. Ей было даже приятно, что нашелся кто-то, готовый обратить на нее внимание.

Мужчина был в светлых брюках и легком кремовом джемпере. На коленях он держал роскошный дорогой «дипломат» с позолоченными замочками.

– В принципе я просто добрый человек... Я всю дорогу смотрел на вас и понял, что у вас что-то случилось... У вас слезы в глазах до сих пор... Кроме того, вы такая красивая... Вас хочется пожалеть, успокоить. Вот я и пересел к вам. Если бы вы меня сейчас спросили, испытываю ли я к вам какое-нибудь другое чувство, кроме жалости, я ответил бы вам прямо: да и еще раз да. Я эстет, я люблю все красивое, и если бы вы были неодушевленным предметом, я бы взял вас к себе и любовался вами каждый день.

– Так я и знала. – Эмма вдруг улыбнулась сквозь слезы – ей было удивительно приятно услышать эти слова, и она сразу же почувствовала симпатию к этому человеку. – Душа моя почему-то никого не интересуется. Если уж вы такой откровенный, тогда скажите: вы любовались бы мной в одетом или раздетом виде?

– Двусмысленный вопрос, его можно понять по-разному: вы имеете в виду МОЮ раздетость или свою?

– Мою-мою, конечно...

– Поначалу нет... Я бы поставил вас в вашей одежде на постамент и каждый день снимал бы по одной вещи... Сначала вот эту кофточку, на следующий день юбку, потом принялся бы за ваше нежное белое белье...

– А почему вы решили, что оно у меня белое?

– Не знаю... Просто представил, и все.

– А что бы вы делали со мной дальше?

– Купил бы прозрачные одежды и наряжал бы вас, как куклу... И вы были бы моей собственностью, а друзья, которые приходили бы ко мне, начали бы испытывать к вам эротические чувства... Но вы бы принадлежали только мне...

– Каким образом?

– В воображении... – теперь уже рассмеялся мужчина. – Как вас зовут, заплаканная девушка?

– Эмма. Как Бовари.

– Ни разу не был знаком с Эммами... Вам очень подходит это имя. Вы, должно быть, так же, как Бовари, способны внушать мужчинам страсть?

– Наверно...

– Только, на мой взгляд, Эмма Бовари была намного полнее и уж, конечно, более зрелая... А вам от силы лет восемнадцать?

– Двадцать.

– Куда вы едете, Эмма? – Мужчина вдруг заволновался и приткнулся к окну. Должно быть, приближалась его станция.

– Сначала скажите, как вас зовут... Вдруг мы встретимся еще раз... И тогда я смогу подойти к вам и сказать: «Здравствуйте, Николай Петрович!», к примеру.

– Тогда вам придется сказать: «Здравствуй, Сергей».

– Вам сейчас выходить, Сергей?

– Вообще-то, да. Послушай, я вижу, что ты катаешься на электричке просто так... Пойдем ко мне, я покормлю тебя ужином, напою домашним вином, и ты мне все расскажешь... если захочешь, конечно... Правда, я живу не один, у меня есть жена и сын, но можешь мне поверить, они будут тебе рады...

– С какой стати им радоваться-то? – усмехнулась Эмма, понимая, что мысленно она уже пьет вино в компании этого приятного человека и спит в его доме, в котором наверняка пахнет лесом и садом.

– Да потому что они уже одичали там, на даче, и будут рады любому гостю...

Он протянул ей руку, она легко поднялась со скамьи и пошла, держась за его руку, к выходу. Электричка остановилась, двери открылись. Сергей, спрыгнув на платформу, помог ей сойти со ступенек. Электричка покатила дальше, а они остались стоять посреди освещенной желтыми огнями платформы и слушать гул удаляющегося электрического монстра. Стало тихо-тихо. За решетками ограды шумела листва, прямо за широкой лестницей просматривалась освещенная фонарями дорога, ведущая в дачный поселок. Разноцветные домики, утопающие в потемневшей зелени садов и разреженного хвойного леса, манили к себе уютным оранжевым светом окон.

– Ну что, Эмма, пойдем? Держись за меня... – Они спустились по лестнице вниз и быстрым шагом направились в самую глубь садов.

Эмма держалась за Сергея и ощущала рукой тепло его локтя. Она непроизвольным движением прижалась к нему покрепче, и у нее от этого порыва внезапно перехватило дыхание: ей стало необыкновенно легко при мысли, что сегодняшнюю ночь она проведет не в постели одинокого и скучающего нарцисса-эксгибициониста, а под крышей ДАЧИ. Это слово у нее ассоциировалось с семьей, теплом и варениками с вишней. Должно быть, потому, что, когда еще была жива ее мама, их пригласили в гости на дачу к одним знакомым, где их угощали именно этим блюдом... Но мама умерла вот уже три года назад. И никто больше не приглашал ее ни на какую дачу. Перов заменил ей всех. Насильно. Против ее воли. Он стал ее хозяином.

– Пришли... – Сергей остановился и посмотрел Эмме в лицо. – Ау... Очнись... Лучше запоминай, чтобы нашла в следующий раз... 64-й километр, село Луговое поблизости, это для ориентира...

Они стояли напротив большого двухэтажного дома из красного кирпича. Забор заменяла металлическая сетка «рабица», за которой просматривалось ярко освещенное крыльцо с белой гипсовой чашей, засаженной огненными бархотками. За белыми занавесками горел свет.

Сергей открыл калитку, они поднялись на крыльцо, открыли дверь и вошли в дом.

– Лариса! – позвал он. – Это мы...

Распахнулась еще одна дверь, и Эмма увидела миниатюрную женщину в черном трико и красной майке. Короткие светлые волосы были растрепаны и блестели при свете лампы. Очевидно, это и была жена Сергея. Стройная фигурка, но непомерно большая грудь. Увидев Эмму, Лариса с заметным усилием заставила себя улыбнуться.

– Лора, это Эмма, моя ученица... Она осталась без ключей, и я пригласил ее к нам...

– Очень приятно... – Лора протянула Эмме руку. – Меня зовут Лариса, можно просто Лора.

Эмма назвала свое имя.

– Надо же, какое имя... ну что же вы стоите? Проходите... Саша уже спит, он сегодня накупался, устал, его теперь и пушками не разбудишь...

Эмма прошла за Сергеем на кухню и села на предложенный им стул. И пока Лора разогревала ужин, она разглядывала совсем еще новую кухонную мебель, кружевные занавески на окне, букет лилий в прозрачном кувшине на столе, корзинку с хлебом, красный толстый ковер на полу. Кругом было чисто и пахло жареным мясом. «Это рай. А они, наверное, и не догадываются, что живут в раю».

Лора расспрашивала Сергея о его делах, Эмма слушала их, находясь в какой-то прострации, и вяло ела в общем-то вкусную и сытную еду – мясо, салат, пирог с клубникой, вино, чай. От выпитого вина ее потянуло в сон.

– Сережа, да она же спит на ходу... Пойдем, Эмма, я уложу тебя... У нас на втором этаже есть спальня специально для гостей... Там весь день были открыты окна... Но ты не бойся, там густые сетки и нет ни одного комара. А вот здесь у нас ванна... Котел я согрела, поэтому можешь спокойно принять душ, а то и полежать в ванне... У тебя очень усталый вид. А что с твоими глазами?

– Аллергия, – ответила Эмма и зашла в теплую ванную комнату. Розовый кафель, большие розовые с белым полотенца, даже кусок мыла был розовым.

Она сполоснула ванну, заткнула ее пробкой и, открыв кран, легла на ее дно и стала следить, как вода медленно поднимается, постепенно закрывая все ее тело. Тело. Она смотрела на согнутые узкие колени, сжатые бедра, плоский живот, казавшийся зеленоватым от воды, покрытые гусиной кожей белые, с бледно-розовыми сосками груди и вспоминала ощущения от прикосновения к ним мужских рук...

Она и не заметила, как руки сами намылили губку. Эмма стояла, вытянувшись в ванне во весь рост, и с каким-то остервенением терла и терла до боли, до стопа свою кожу, свое тело... Слезы катились у нее из глаз. Нет, никогда ей уже не отмыться, не стать такой же чистой, как Лора. Завтра утром она сядет в электричку, вернется в город, приедет к Перову и будет просить у него прощения. А он, ударив ее по лицу, снова произнесет слова, которые снова парализуют ее волю и заставят повторить все, намеченные Перовым, маршруты. И все вернется на круги своя: она будет играть на гитаре в какой-то чужой квартире, танцевать, целоваться с полужнакомыми или, наоборот, с уже хорошо знакомыми мужчинами и услаждать их слух откровенной лестью и лживыми заверениями в их неординарности и силе.

В дверь постучали. Вошла Лора.

– Я принесла тебе полотенце и пижаму. Это моя пижама, она тебе будет коротковата, но, думаю, это не страшно...

Эмма поблагодарила ее и улыбнулась.

В спальне горел ночник. Большая кровать с жесткими льняными простынями, сложенный аккуратно толстый красно-белый плед, букет ромашек в маленьком круглом аквариуме на столике возле окна.

Эмма легла и укрылась пледом. Сна как не бывало. За окном шумел сад, пахло свежестью и чистым бельем. Она выключила лампу и закрыла глаза.

Когда она услышала шаги на лестнице, было уже, наверно, часа три ночи. Тихо отворилась дверь, и Эмма увидела силуэт человека, входящего в спальню. Она закрыла глаза и притворилась спящей. Кто-то сел к ней на постель, взял ее руку в свою и сжал пальцы.

Она открыла глаза и пошевелилась.

– Я знал, что ты не спишь, – услышала она голос Сергея. – Я тоже никак не могу уснуть... Ты же хотела мне что-то рассказать...

– Но я не могу... Я передумала... Ты пришел сюда, а как же Лора?

– Она спит. Она никогда не просыпается ночью.

– Ты пришел, чтобы поговорить со мной?

– Ну конечно...

Эмма села на постели, обхватив руками колени, обтянутые тесной пижамой:

– Тогда включи свет.

Он зажег лампу, и Эмма увидела, что Сергей в черном длинном халате. Густые темные волосы поблескивали в глубоком вырезе, большие черные глаза смотрели на Эмму с нежностью.

– Мне не надо было приходить сюда... – прошептала она, чувствуя, что происходит что-то непонятное, чего не должно происходить. – Зачем ты обманул Лору, назвав меня своей ученицей?

– Я не знал, что ей сказать...

– Ты всегда приводишь в дом девушек, которые тебе нравятся?

– Еще ни разу не приводил...

– Ты пришел... ко мне... зачем?

– Чтобы посмотреть на тебя... Чтобы узнать, почему ты плакала, чтобы услышать твой голос, чтобы понять тебя...

– Я завтра уеду, и ты больше никогда не увидишь меня. Но я хочу сказать тебе спасибо... Потому что, если бы не ты, неизвестно, где и как я бы провела эту ночь... Я действительно ехала неизвестно куда.

– Я это чувствовал... Если хочешь, мы можем сейчас пройтись по саду... Комаров уже нет, они, наверное, уже спят. Мы погуляем с тобой, и ты мне все расскажешь...

– Нет, я никуда с тобой не пойду. Лора проснется, а тебя рядом нет, она пойдет тебя искать, выйдет в сад и увидит нас вместе... Неужели ты не боишься этого?

– Она не проснется. – Сергей склонился над Эммой и нежно поцеловал ее в щеку. – Ты не могла бы снять пижаму? Она напоминает мне о Лоре, а я хочу видеть лишь тебя...

– Нет. – Она подтянула плед до подбородка и закрыла глаза. – Если бы ты хотя бы немного знал меня, то никогда бы не поцеловал...

Она говорила и не слышала своего голоса. Она вся горела.

– Я женат, – слышала она как сквозь туман, – у меня есть Лора, но когда я увидел тебя, то понял, что поеду с тобой до той же станции, что и ты. Ты слышишь меня?

– Нет, не слышу... – Она откинула плед и повернула к нему лицо. – Послушай, ты не должен был приходить сюда... Ты меня совсем не знаешь, ты видишь перед собой совсем не ту Эмму, какую бы тебе хотелось обнять...

Она встала и, завернувшись в плед, подошла к окну.

– Я оказалась в этом доме случайно... – проговорила она сдавленным голосом, – и завтра уже меня здесь не будет... Но раз так все случилось, раз я осталась жива, значит, я должна тебе рассказать о себе. Я не знаю, кто ты... Но я устала жить ТАК... Поэтому будет лучше, если я все тебе расскажу... Но только не в этом доме. Эти стены не должны ничего слышать... Принеси мне какую-нибудь одежду, и мы пойдем в сад...

Когда он принес ей свитер, она стояла посреди комнаты в своей длинной красной юбке и белой трикотажной кофте. Длинные рыжие волосы ее были подняты и сколоты шпилькой на затылке. На бледном узком лице выделялись огромные карие глаза. Сергей смотрел на Эмму и не мог оторвать взгляда. Это сочетание светлой кожи, темных глаз, рыжих блестящих волос, красной юбки и белой кофты, расстегнутой на груди, сводило его с ума. Теперь уже ОН не слышал, что она говорила ему. Он мысленно обнимал ее, ощущая под ладонями шуршащий шелк юбки и мягкость и упругость тела под кофтой, он мысленно целовал губы этой красивой до невозможности девушки, вдыхал аромат ее роскошных густых волос и не понимал, как могло

случиться, что он, Сергей Орлов, сорокалетний мужчина, столько сил и времени посвятивший созданию семьи и любящий свою жену и сына, мог привезти в дом эту совершенно незнакомую девушку и даже обмануть Лору, представив ей Эмму как свою ученицу?! Что двигало им, когда он подсел к Эмме в электричке? Уж себе-то он лгать не станет: она была так хороша, что проснувшийся в нем собственник, увидев эту красоту, сказал: «Она будет моей». Лора без труда узнает, что он обманул ее, поскольку стоит ей задать Эмме несколько наводящих вопросов, как сразу станет ясно, что она не имеет никакого отношения к ювелирному делу. И что тогда скажет ей в свое оправдание Сергей? Будет извиняться?

Они вышли на крыльцо и спустились в сад. Пошли по лунной дорожке, взявшись за руки, молча вышли к калитке, ведущей в лес, Сергей открыл ее и помог Эмме перешагнуть небольшой ручей.

Хвойные деревья в лунном свете казались голубыми, так же, как трава под ногами, как и все вокруг. Они сели на поваленное дерево. Эмма в большом черном свитере Сергея смотрелась очень трогательно. Она не стала сопротивляться, когда он обнял ее и прижал к себе. Как непохожи были эти объятия на те, которые она испытывала на себе каждый день. Сейчас она хотела, чтобы время тянулось медленно, чтобы мужчина, который обнимал ее, не отпускал ее никогда... Сергей попросил ее вынуть шпильку, Эмма вынула, и волосы легли ей на плечи. Сергей снял с нее свитер и постелил его на траву, уложил Эмму и опустился рядом с ней. Он согревал ее своим телом, покрывая поцелуями ее лицо, шею и грудь. Его руки расстегнули кофту до самого конца, и теперь он смог увидеть при лунном свете ее груди. Рассыпавшиеся по траве волосы блестели красноватой медью и пахли яблоками.

– Ты хочешь, чтобы я была неодушевленным предметом и ты мог бы показывать меня своим друзьям? – прошептала она, извиваясь в его объятиях и отвечая на его ласки так же страстно и бездумно. – Что мы с тобой здесь вообще делаем? Мы не должны... Я не должна...

Он раздвинул ей ноги и поднял юбку, он знал, что, появившись сейчас здесь, в лесу, Лора, он все равно не сможет остановиться. Больше того, он почувствовал себя сейчас другим мужчиной, не таким, каким был до встречи с этой удивительной девушкой. Ведь и в дни первой близости с Лорой он не испытывал ничего подобного... Неужели его отношения с женой строились лишь на одном желании любви, но не на самой любви? И вообще, что такое любовь? Неужели эта красная юбка и то, что он сейчас под ней отыскал, и есть то самое, ради чего мужчины резко меняют свою жизнь, предавая прошлое и устремляясь в жгучее, острое, неизведанное?... Он неистовствовал, чувствуя, что наконец-то обретает истинного себя. С каждым движением он открывал новые и новые ощущения, он становился самым настоящим зверем, хищником, способным подчинить себе весь мир, и это чувство подарила ему девушка с немецким тягучим и сладким, как мед, именем Эмма...

Он повернул голову и увидел свернувшуюся клубочком рыжеволосую красавицу. Она спала, положив голову на свою вытянутую руку. Сергей промокнул ей влажный лоб краешком юбки и прикрыл ею белеющие в синем предутреннем воздухе бедра. Затем поднял Эмму на руки и понес в дом. Когда он шел по коридору, прижимая к себе драгоценную ношу, он даже и не вспомнил о том, что за стеной спит его жена. Он знал теперь только одно: в его жизни появилась ОНА.

Глава 2

С. Общежитие при ПТУ-2. 1994 г.

Она не реагировала на стук в дверь и продолжала сидеть неподвижно на стуле, тупо уставившись на труп подружки, не понимая, как же такое могло произойти и что теперь делать... Судя по кровавым следам в комнате, в особенности по тем жутким и теперь зловеще мерцающим инструментам, разложенным как попало на столе среди окровавленного тряпья и ваты, Лена все же согласилась встретиться с той самой женщиной, пообещавшей ей по телефону за небольшие деньги сделать аборт. Ее услугами уже успели воспользоваться три девушки из училища, и у них все обошлось, слава богу: операции прошли без осложнений. А вот Лене Кравченко не повезло – она либо истекла кровью, либо во время аборта произошло нечто такое, в чем Наташа не разбиралась, но что явилось причиной смерти подруги.

Под столом Наташа обнаружила нечто бело-красное, бесформенное, оказалось – это скомканные использованные хирургические перчатки...

«Если женщина, назвавшаяся человеком из собеса, и есть та самая докторша, сделавшая операцию, в результате которой погибла Лена, – рассуждала Наташа, – то навряд ли она оставила бы в комнате свои инструменты и перчатки. Окажись на ее месте я, уж инструменты бы ни за что не оставила, а постаралась бы забрать с собой все, что могло бы свидетельствовать о происходившей здесь операции: во-первых, на инструментах могли остаться отпечатки пальцев, ведь не всегда же она бралась за них в перчатках, кроме того – они же стоят денег, и немалых; да и Лену не положила бы на пол, а оставила на кровати, чтобы не привлекать внимания любого, заглянувшего в их комнату...»

Картина, так неожиданно возникшая перед глазами Наташи, выглядела настолько неестественно и дико, что сложно было, наблюдая за тем, как прямо на глазах заостряются черты знакомого и такого милого личика, представить себе ход разыгравшейся здесь трагедии...

Вахтерша сказала, что женщина не выходила, точнее, она ее не видела. Да и не все ли равно? Значит, эта женщина вышла из общежития как-то иначе. Но как?

Наташа покинула комнату и медленно двинулась вдоль длинного узкого коридора, не чувствуя ничего, кроме животного страха, сковавшего ее тело. Ей почему-то показалось, что это она, а не Лена осталась лежать там, в пустой и тихой комнате, наполненной призраками мужчин, по вине которых им и пришлось звонить этой женщине... Женщине-убийце.

Окно в конце голубого холодного коридора было распахнуто – в него рвался сырой, пахнущий землей и травой, дождем и какой-то гарью ветер... Очевидно, эта женщина-мясник, испугавшись содеянного, выбралась из общежития именно через окно и, утопая ногами в рыхлой и влажной газонной земле, перешла на асфальтовую дорожку, села в заполненный живыми и дышащими людьми автобус, где, придя в себя от шока, постаралась забыть, стереть из своей памяти ту, сердце которой уже никогда не оживет... Как же она могла вот так?..

Уже возвращаясь и медленно открывая дверь, Наташа надеялась увидеть Лену живой, а кровавый натюрморт – видением, кошмаром, порождением тяжелого и долгого дня, усталостью, наконец, и той дозой унижения, которую ей пришлось пережить в постели с незнакомыми ей мужчинами... Но, войдя в комнату, она вновь увидела эти широко раскрытые глаза, обращенные к потолку, а может, и к богу?..

Что делать? Конечно, она уберет следы операции, переложит Лену на кровать. Но что будет потом? Можно было бы оставить все, как есть, вызвать милицию, и пусть себе разбираются, ищут женщину, чей диплом медика еще надо проверить, а саму акушерку – посадить в клетку, как дикого и опасного зверя... Но если найдут эту женщину, то она расскажет на след-

ствии, что Лена Кравченко была проституткой. Она сразу поняла это, как только осмотрела свою будущую пациентку во время первой встречи, которая произошла здесь же, в комнате общежития. Тогда же акушерка предложила свои услуги в качестве постоянного врача-гинеколога, производящего осмотр раз в неделю. А поскольку при этом разговоре присутствовала и Наташа Балясникова, это могло означать, что и она в курсе, если подружки вообще не работают на пару, обслуживая «старичков»... А раз так, то милиции будет нетрудно установить личность сутенера, тем более что Виктор довольно часто сам отвозил девушек на квартиры клиентов, и проследить за ним – дело одного вечера. И уже после того, как схватят Виктора, Наташе с ее подмоченной репутацией придется все начинать сначала, пристраиваться либо в другое училище, где есть общежитие, либо возвращаться к себе в Квасниковку и доить с матерью коров на ферме...

Виктор предупреждал их, что стоит им забеременеть – и они останутся без работы. Но предупреждать можно о чем угодно, а как быть, если мужчина не хочет и слышать о предохранении, когда он входит в раж и ему уже ни до чего нет дела, а уж тем более не до проститутки, за услуги которой он платит деньги, и немалые... Главное для него – совершить то, ради чего он и пригласил ее к себе домой. Ведь почти все клиенты Виктора – пожилые и не совсем здоровые люди, для которых почувствовать себя мужчиной на старости лет – наивысшее наслаждение. Эти тихие старички платят больше, а хлопот с ними меньше. Правда, к ним нужен особый подход – поговорить по душам, спеть им душещипательную песенку или станцевать что-нибудь без затей, но непременно с налетом романтизма или сентиментальности.

Нет, нельзя вот так, не подумав, звать милицию. Надо позвонить Виктору и все рассказать. А уж он поможет ей избавиться от тела и сделать так, что Лену Кравченко еще долго будут искать...

Примерно час Наташа убирала комнату, уничтожая следы пребывания горе-акушерки, после чего принялась за Лену. Обмыла ее, закутала в простыню, затем завернула в то же красное одеяло, в котором ее и нашла, и затолкала еще не успевшее окончить тело подруги под кровать, которую застелила покрывалом до самого пола. И только после этого вышла из общежития и позвонила Виктору.

Луговое. Июль 1996 г.

– Лора, у этой девушки большие проблемы, – сказал Сергей утром жене, которую нашел в самом конце сада собирающей землянику к завтраку.

– Да, а что случилось? – Она поднялась и отряхнула с пальцев влажные комья земли. Внизу, между росистыми земляничными листьями, стояла белая миска с ягодами. На Лоре было то же черное трико, только теперь поверх красной майки была надета синяя джинсовая куртка.

– Она мне так ничего и не рассказала, но, судя по всему, она собиралась... умереть... Я ехал вместе с ней в электричке... Она рыдала всю дорогу... Ты извини, что мне пришлось тебя обмануть... Конечно, никакая она мне не ученица. Просто мне стало жаль ее, вот я и привез ее к нам. Я понимаю, что все это звучит странно...

– Сергей, конечно, ты можешь дать ей денег и помочь устроиться на работу, но не собираешься же ты оставлять ее здесь, на даче?! – Лора была явно раздражена. Сергей видел, что ей не нравится уже и сам факт пребывания на даче красивой молодой девушки. Но тот, другой, Сергей, который проснулся в нем этой ночью и который теперь не мог представить себе жизни без всего, что он испытал несколько часов тому назад, сказал за него:

– Именно это я и хотел тебе предложить... Пусть она останется здесь и будет помогать тебе по хозяйству... Понимаешь, ей надо прийти в себя...

– А что с ней случилось? У нее кто-то умер? Ее бросил любовник?..

– Лариса, любовники бывают только у замужних женщин. Эмма не замужем, а потому у нее могут быть только возлюбленные. – Сказал, а сам про себя подумал: а что, если она замужем?

– Сергей, ты случаем не влюбился в нее?

Он, твердо решив не обманывать Лору, просто промолчал, лихорадочно соображая, как же он будет жить дальше, как строить свои отношения с Лорой, с сыном...

Он стоял на этой залитой солнцем земляничной поляне, и при мысли, что через несколько минут он увидит Эмму, ему хотелось закричать. И только жгучий стыд перед Лорой, которая снова присела, чтобы собирать землянику, действовал отрезвляюще и призывал к рас- судку.

– Лора, у нас здесь довольно часто бывают твои друзья и подруги, и наш дом всегда открыт для них, так почему бы не помочь теперь МОЕЙ знакомой? Ведь я же не спрашиваю тебя, почему твоя Зоя жила вместе с нами в течение двух недель – жила себе и жила... И, заметь, я не интересовался тем, бросил ли ее очередной любовник или нет... Больше того, я, как мог, помогал ей, возил из города лекарства, заезжал к ней на городскую квартиру и привозил оттуда ее книги и кремы... И вам всем это доставляло безумное удовольствие, вы даже как будто подсмеивались надо мной... А ведь ты знаешь, что в это самое время я работал над одним из своих самых крупных заказов...

– Сережа, да успокойся ты, ради бога... – Лора снова встала и теперь уже с полной миской земляники направилась в летнюю кухню. – Зоя – моя лучшая подруга, и ты помогал ей лишь по этой причине... Но могу сказать одно: если бы Зоя была так же красива, как эта девушка, она навряд ли жила бы здесь две недели... Уж я бы нашла способ, как ей отказать...

Жена говорила правду, и Сергей поймал себя на мысли, что одним из достоинств, кото- рые привлекли его в свое время к Лоре, была та обезоруживающая прямота, которая так помо- гает людям лучше договориться друг с другом. Вот сейчас, например, он узнал, что связывает интеллектуальную, эрудированную и ровную Лору с полуграмотной эгоцентристкой Зоей, ста- вящей свои личные проблемы на первое место и требующей к себе постоянного внимания окружающих: она некрасива – и этим все сказано! Зою можно оставить с любым мужчиной,

причем независимо от его темперамента, на несколько дней в одной комнате и быть уверенной в том, что он к ней не притронется.

Уже перед тем, как скрыться в кухне, Лора вдруг остановилась, медленно повернула голову и посмотрела на мужа:

– Сережа, конечно, ты можешь поступать так, как тебе нравится, но знай: по мне, так лучше Зои в подобной ситуации нет и быть не может.

– Ты меня ревнуешь?

– Скажем так, я не хочу осложнений.

Она повернулась к нему спиной, он увидел ее затылок и подумал о том, что в последнее время ему довольно часто приходилось довольствоваться именно видом ее затылка или спины... Почему так? Потому, что она предпочитает спать на правом боку, а он – на левом, и они практически не видят друг друга перед сном и после сна?.. А вот Эмма смотрела ему прямо в глаза, она принимала его всем своим существом и раскрывалась, как раковина, отдавая всю себя обжигающей страсти...

Он вернулся в дом как раз в тот момент, когда Эмма выходила из ванной. Выспавшаяся и отдохнувшая, она смотрела на него широко раскрытыми глазами, машинально поправляя рукой влажные от воды волосы, уже собранные сзади в аккуратную прическу. От вчерашних слез не осталось и следа.

– Доброе утро, – проговорила она, страшно смущаясь, потому что еще не успела за эти несколько утренних минут осмыслить, что произошло между ними накануне. Такого смущения она не испытывала прежде ни разу, встретившись глазами с мужчиной, с которым провела ночь.

Сергей быстро подошел к ней и, словно для того, чтобы подтвердить реальность их отношений, поцеловал ее и приобнял.

– Мне надо уезжать... И как можно скорее... Я все обдумала и решила. Мне надо просто уехать отсюда подальше... Подальше ото всех...

– От меня?

– А ты... ты должен забыть меня... Потому что у тебя своя жизнь, и она правильная... Мне кажется, что я сама найду станцию, пожалуйста, не надо меня провожать... Передавай привет Лоре... И вообще, это была самая приятная встреча в моей жизни... Вы оба... такие замечательные, такие...

Она поймала его взгляд и замолчала. Затем опустила голову и пробормотала:

– Я же говорила тебе, что не надо было идти в сад...

* * *

За завтраком Эмма смотрела в основном на Сашу, шестилетнего сына Сергея. Он был похож на отца: высокий, худенький, черноглазый, но в отличие от Сергея у мальчика были черные волнистые волосы. Когда Саша смеялся, у него обнажались два передних красивых, ровных зуба, что делало его особенно милым и забавным. Он лепил из хлеба шарики и катал их по скатерти... Лора постоянно одергивала сына, заставляла следить за тем, чтобы он не держал локти на столе, не оставлял ложку в тарелке, не звенел чайной ложкой о стенки чашки, а размешивал сахар в чае беззвучно... И Саша старался, но постепенно запутывался в великом множестве «нельзя» и снова продолжал звенеть ложкой, ставить локти на стол и вообще веселиться от души, увлеченно и в лицах рассказывая слушающим его взрослым о том, как вчера на озере они с другом ловили бабочек, а потом устраивали им свадьбы с жуками. «В спичечных коробках, представляете?!»

После завтрака Саша убежал в сад копать червей для рыбалки, Лора принялась мыть посуду, а Сергей с Эммой уединились на качелях под большой яблоней.

– Почему ты не позволил мне уехать до завтрака?

Эмма смотрела куда-то в пространство и, казалось, думала о чем-то своем. Ее белая кофточка на спине была вымазана в земле и хвое, а на ее шее Сергей к своему ужасу обнаружил несколько небольших кровоподтеков от его ночных поцелуев. «Интересно, – подумал он, – Лора заметила что-нибудь или нет?»

– Я хотел предложить тебе остаться здесь, пожить с нами. В субботу к нам приезжают друзья, ты бы присмотрела за Сашей и помогла бы Лоре приготовить обед...

– Ты хочешь меня нанять? – Эмма посмотрела на него и усмехнулась, ее глаза с тяжелыми веками и густыми ресницами шурились от яркого солнечного света.

– Я хочу, чтобы ты была рядом со мной...

– И ты будешь мне за это платить?

– Все будет так, как ты захочешь, – наконец произнес он фразу, которая не давала ему покоя с самого утра. Он уже понял, что примет любые ее условия.

– Вот это мне уже нравится... Тогда сделаем так. Я иду на станцию, а ты остаешься здесь.

– И это все, что ты хотела бы мне сказать?

– Да. Я пыталась тебе вчера объяснить, но ты... тебе было не до этого... Понимаешь, Сережа, в моей жизни есть что-то такое, о чем я так и не смогу никому рассказать... Я НЕ СВОБОДНА, понимаешь?

– Ты замужем?

– Нет, это не то... Просто у меня есть определенные обязательства перед одним человеком, и он никогда не отпустит меня от себя... Я его вечная должница...

– Это касается денег?

– Даже не знаю, как тебе сказать...

Она смотрела на Сергея и мысленно прощалась с ним: нет, конечно же, она никогда не расскажет ему о Холодном... Никогда. Ни о Перове, ни о тех мужчинах, с которыми ей приходилось проводить время. Стоит Сергею узнать, какую жизнь она ведет, как его тотчас стошнит от представленного...

Но, с другой стороны, мысль о том, что, стоит ей сейчас сесть в электричку и, вернувшись в город, встретиться там с Перовым, пугала ее. Похоже, она забрела в тупик. Но в этом тупике было так сладостно и трепетно рядом с этим смуглым мужчиной с серебряными волосами, что она решила испытать судьбу и довериться своему новому чувству... А что, если действительно рассказать все Сергею и попросить его о помощи?

«Нет, он мне не поверит... Потому что поверить в подобное не сможет никто... Он припишет это моей фантазии...»

– Я не знаю, как мне быть... Я видела сегодня Лору... за столом... Мне кажется, она ждет не дождется, когда я уеду.

– Но я не могу отпустить тебя вот так, ничего не узнав о тебе...

– Ты действительно хочешь, чтобы я осталась?

– Конечно, хочу. Ты даже представить себе не можешь, как я этого хочу... Эмма, я должен тебе что-то сказать...

Он остановился, не в силах продолжать... Эмма сидела на качелях, залитая солнцем, и казалась прозрачной, сияющей и нереальной... Легкий ветерок шелестел красным шелком юбки, которая то вздымалась, то опускалась, играя тенью и ослепительно белыми коленями Эммы.

– Я должен тебе сказать, что хотел бы принять участие в твоей жизни... Ты мне нужна... Я это чувствую... И если ты что-то должна этому человеку... а я уверен, что это по его вине ты плакала в электричке и, возможно даже, собиралась покончить с собой... не перебивай, я это понял еще вчера, когда ты согласилась пойти со мной... так поступают только в миг отчаяния, когда не видят другого выхода... Так вот... Если ты должна ему деньги, то я заплачу за тебя

любую сумму. Но только, прошу тебя, не уходи из моей жизни... Со мной такое впервые... Я знаю, ты сейчас снова вспомнишь о Лоре, но она вполне самостоятельная и, как бы это получше выразиться... самодостаточная женщина... Она не любит меня, хотя мы живем с ней вполне нормально... Мы с ней больше друзья, чем все остальное... Словом, я бы хотел, чтобы ты осталась со мной...

Он смотрел на нее и чувствовал, что она ускользает от него, растворяясь в воздухе... Да не придумал ли он ее вообще?

– ...я останусь, – донеслось до него откуда-то сверху...

* * *

Они промаялись весь день, делая вид, что страшно заняты работой. Разморенные жарой, они выбирали косточки из вишни и сидели на веранде, по локоть в вишневом соке, с кроваво-вишневыми губами, и, стараясь не поднимать глаз, томились присутствием рядом прохладной в своей рассудочности Лоры и невозможностью прикоснуться друг к другу.

– Так вы ювелир? – спрашивала Эмма, открывая рот и играя скользкой, крупной и влажной вишней, то охватывая ее своими губами, то словно сдувая ее с губ.

– Ювелир, – Сергей слизывал вишневый сок с пальцев и смотрел на Эмму отрешенным взглядом, – сейчас вот закончим с вишней... и я покажу тебе одно кольцо...

– У вас своя мастерская или что-то в этом роде?

– Да, но в этой мастерской, кроме меня, есть еще два человека.

– Эмма, спасибо, ты нам уже и так помогла... Поди вымой руки и смажь их кремом, а то будет раздражение... Но прежде протри пальцы ваткой, смоченной в сильном растворе лимонной кислоты, и тогда пальцы снова станут белыми... – Лора говорила все это машинально, так, словно Эмма была ее ребенком или кем-то близким. Очевидно, варка варенья так захватила ее, что она была страшно рада появлению человека, который выполнил за нее всю тяжелую и черную (вернее, «красную») работу. Увидев, как молода и глупа Эмма (а у Лоры практически все люди делились на глупых и неглупых), она даже успокоилась, вдруг осознав, как нелепо было с ЕЕ стороны показать свою потенциальную ревность Сергею. Потенциальную, потому что чувство ревности дремало в ней постоянно, но только ни разу еще не просыпалось по настоящему, и, как шутила Зоя, «ревность уже давно находится у тебя в летаргическом сне». Вот и сейчас ревность, свернувшись клубочком, снова провалилась в сладостное забытие, не подозревая о том, что приблизительно в такой же расслабленной позе, то есть свернувшись клубочком, спала этой ночью на лесной, голубой от лунного света поляне утомленная ласками ее Сергея рыжеволосая девушка Эмма...

А потом были вареники, и Эмма, сидя за обеденным столом в летней кухне, почувствовала, как глаза ее наполняются слезами: ОНИ, эти люди, приняли ее в свой дом. Она живет на ДАЧЕ. И именно живет, ходит по саду, ест вишню, смотрит на раскинувшееся над ее головой солнечное небо, просвечивающее сквозь листву яблонь... В последнее время на дачу ее возили с определенной целью, и генерал, который просил ее надеть его парадную форму, обычно громко икал после выпитого в большом количестве шампанского...

Неужели и у нее могут быть вот такие благодатные и счастливые дни?.. И сколько их будет, сколько времени она сможет прожить в этом райском месте, пока Сергей, разочаровавшись в ней, не постарается как можно скорее избавиться от нее?.. Пока что это зависело только от нее самой: сколько минут, часов и дней она сможет молчать, столько времени она и пробудет здесь. Подумав об этом, Эмма даже стиснула зубы, словно для того, чтобы не проговориться...

Ночью, после утомительного дня, наполненного работой по саду, длительными купаниями на озере, сытной едой и изнуряющим тело и душу томлением, причина которого крылась во взглядах такого же измученного страстью Сергея, Эмма уснула, едва только ее голова кос-

нулась подушки. И ей снова снился Холодный, она слышала его голос, видела его бледный, в испарине лоб, залитый кровью... Наверное, она закричала, потому что когда открыла глаза, то увидела, что рядом с ней стоит перепуганная Лора и держит ее за руку.

– Эмма, успокойся, тебе, должно быть, приснился ужасный сон... – Лора заботливо укрыла ее одеялом, погладила, как маленькую, по голове и, пожелав спокойной ночи, ушла. А Эмма так и осталась лежать с открытыми глазами, боясь снова уснуть, боясь повторения кошмара...

Когда спустя долгое время она снова услышала шаги на лестнице, сердце ее, казалось, перестало биться. Сергей в своем черном халате, присев к ней на постель, склонился над ней и поцеловал ее в висок.

– Ты не должен был приходить... Нас может застать Лора, у вас будет скандал, вы будете кричать друг на друга, а потом, когда ты все равно уйдешь от меня, тебе некуда... не к кому будет идти... – Она говорила это, чувствуя, как стучат в нервном ознобе зубы, как дрожит все ее тело.

– Я смогу снять для тебя квартиру в городе и приезжать к тебе туда каждый день... Я заплачу твои долги, и ты сможешь спокойно ходить по улицам, ничего и никого не боясь... Может, ты мне все-таки что-нибудь расскажешь?

Она чуть привстала, чтобы поближе рассмотреть его лицо, провела рукой по его голове, ощущая мягкость и шелковистость блестящих при лунном свете, льющемся из окна, серебристых волос, и сама поцеловала Сергея в губы.

– Полежи со мной, согрей меня... – Она притянула его к себе и, когда он лег, прижалась к нему всем телом. – Сережа... я очень боюсь этого, но я должна тебе все рассказать...

* * *

– Это началось шесть лет тому назад... Мне тогда было четырнадцать... Мы с мамой приехали в Сухое... Есть такое село на Волге... Кажется, была чья-то свадьба, но я помню ее очень смутно. Помню, что была осень, деревня тонула в дожде и грязи, зато за ней были такие леса, такие красные и желтые деревья... А воздух был синий-синий, и пахло как-то по-особенному, по-осеннему мокрыми листьями, чем-то пряным и сладким... да, еще пахло дымом... Изредка в середине дня являлось солнце. Там все так и говорили: являлось. На свадьбу приехала целая куча родственников, они пили самогон прямо из огромной молочной фляги, ходили все пьяные, веселые, орали песни и даже не помнили, наверно, как зовут невесту и из какого она села... И я тоже ничего не помнила, не знала, вернее, не хотела знать... Мне было там смертельно скучно, как, впрочем, и моей маме. Кроме того, мне приходилось постоянно мыть посуду... Стоял огромный чан с жирной теплой водой, куда я все время окунала какие-то бесконечные тарелки, а мама потом протирала их мокрым и холодным полотенцем... Я вообще не понимала, как мы могли с ней оказаться в этом богом забытом месте. Но родственников не выбирают. Я развлекалась там тем, что, перебив посуду, шла к курятнику или в хлев, чтобы поближе рассмотреть птиц и животных... Я раньше никогда их не видела, и мне было интересно посмотреть, как выглядит вблизи петух, индюк... Среди гостей был мамин брат, он приехал из Сибири и тоже откровенно скучал. Он в отличие от других гостей вообще ничего не пил. Да и внешне сильно ото всех отличался... Он был какой-то чистый, в дорогом костюме, который так не вязался с разнузданными и растрепанными, одетыми во что попало краснолицыми деревенскими пьяницами... И пахло от него хорошо, не то лимоном, не то жасмином... Он сидел напротив меня за столом, сколько бы раз мы за этот стол ни усаживались, и подолгу смотрел на меня. У меня было такое чувство, словно он со мной о чем-то мысленно разговаривает... Когда к нему кто-нибудь обращался, он как-то рассеянно улыбался, словно не понимая, что от него хотят. Его звали Юрий Александрович, он был моим дядей по маминой линии...

А папа умер как раз за год до этого... Быть может, я бы никогда больше и не вспомнила эту поездку, эту свадьбу, если бы не одно обстоятельство...

Сухое. Октябрь 1992 г.

Все гости сели в маленький голубой автобус и укатили в соседнее село. Последнее, что запомнила Эмма, это были размалеванные рожи ряженных, одетых невестой и женихом, которые мелькали за стеклами автобусных окон... И сразу стало тихо. Эмма осталась в доме одна. Какая-то женщина, имени которой она тоже не знала, перед тем, как взгромоздиться в автобус, сказала ей, чтобы она перемыла в доме полы. «Ведро и тряпки найдешь в чулане...»

И она принялась мыть полы. Подоткнув свое черное, в розовый цветочек, шелковое платье, надела найденные здесь же, в чулане, резиновые большие боты, налила в ведро горячей воды, сыпанула туда стирального порошка и принялась за работу. Она мыла полы с каким-то отчаянием, думая о том, что никогда больше и ни за что не приедет в эту деревню и что вообще постарается жить так, чтобы не встречаться с этими людьми... В комнатах стоял тошнотворный селедочный запах, еще пахло луком и чем-то прокисшим... Отжав тряпку, Эмма вытерла руки о грязное полотенце, найденное за узкой металлической кроватью в темной комнате, подошла к окну и распахнула его, чтобы проветрить дом, но, увидев горящий на солнце оранжевый лес, замерла, испытывая неизъяснимое блаженство... Ее разгоряченное лицо освежал прохладный ветерок, где-то скрипела калитка... Эта сияющая красота осеннего леса и ярко-синего неба ослепила ее... И как же все это великолепие не вязалось с людьми, которые жили в окружении этой красоты... Этот большой и бестолковый дом со старой мебелью, пыльными зеркалами, неровным полом и облупленными подоконниками...

И вдруг она увидела ЕГО. Он стоял прямо напротив нее, за забором, и снова, как тогда за столом, смотрел на нее... Она смутилась и отошла от окна. Значит, он не поехал с остальными гостями. Эмма домыла полы, вышла, звеня ведром, на крыльцо и, накинув на плечи широкий шарф («чтоб не простыть»), стала мыть залепленные грязью ступеньки крыльца... Вода была черная и чуть ли не жирная от грязи, воду приходилось часто менять. Спина ныла, в ушах стоял звон... Последнее, что она помнила, это старый умывальник с куском земляничного мыла и ее собственные руки, густо намыленные, но все еще грязные от половой тряпки...

Она пришла в себя в лесу. Было холодно, так холодно, что, казалось, ей уже никогда не согреться. Она сидела на траве, вернее, на том самом шарфе, который раньше был накинут на плечи... Где-то над головой шумела листва, золотая и оранжевая листва берез, кленов... Неподалеку от Эммы находилась машина, красные «Жигули», рядом стоял Юрий Александрович и курил.

Эмма вскочила на ноги, но голова ее закружилась, и она снова упала на траву... Одернула задравшееся платье.

– Как я здесь оказалась? – прошептала она, смертельно испугавшись и пытаясь понять по выражению лица своего дяди, что же здесь произошло. – Меня тошнит, мне плохо...

– Ничего особенного... Просто ты мыла крыльцо, утомилась, наверно, и упала в обморок... Я привез тебя сюда... А теперь ты надышалась свежим воздухом, и тебе станет легче...

Юрий Александрович был высоким крупным мужчиной лет тридцати семи, со светлыми прямыми волосами, тщательно зачесанными назад. Высокий чистый лоб, серые глаза, плотно сжатые светлые, словно обветренные губы, гладко выбритые щеки...

– Ну, давай-ка, поднимайся... – Он подошел к ней и, не сводя с нее глаз, взял ее за руку и рывком поднял с травы. – Вот и хорошо... Как себя чувствуешь?

– Не знаю... словно меня разбавили водой...

– Ты случайно не БОЛЬНА?

Она пожала плечами. В голове по-прежнему стоял какой-то звон.

– Пойдем, я отвезу тебя обратно... А то спохватятся, будут нас разыскивать...

Он обнял ее и подвел к машине. Она села, машина тронулась...

А вечером, когда она с остальными женщинами мылась в бане, обнаружила в складках белья желтые и красные мелкие листья... А на одной ноге, повыше колена, большой фиолетовый синяк.

– Где это тебя так угораздило? – спросила ее одна из женщин, красная, распаренная, отвратительная в своей откровенной и страшной наготе и пахнувшая дрожжевым тестом.

– Она полы везде мыла, ударилась, наверно, да, Эммочка? Наталья, и чего это ты вздумала так назвать дочку? Имя-то больно уж странное... – отозвалась другая женщина с верхней полки, обращаясь к матери Эммы...

Глава 3

Луговое. Июль 1996 г.

Она замолчала, чувствуя, что все силы иссякли... И зачем она только рассказывала об осеннем лесе и синем небе? Ведь все произошло гораздо позже... И трудно сказать, послужила ли эта поездка в Сухое началом этой истории? Нет, она никогда не найдет в себе силы выложить все, что с ней произошло...

- Почему ты рассказываешь мне про твоего дядю?
- Не знаю... Быть может, потому, что пытаюсь что-то понять?..
- Кому ты должна деньги?
- Никому.

* * *

А утром, по росе она уже бежала на станцию. Накрапывал мелкий дождь, было прохладно, сумрачно и тревожно...

Эмма села под навес на скамью и замерла, прислушиваясь к стуку сердца. Казалось, его удары совпадали с ударами колес по рельсам... Приближался поезд. Эмма встала, чтобы успеть сесть в электричку, но это был пассажирский поезд, который со страшным грохотом и ветром пронесся мимо, оглушив и перепугав ее до смерти. И, вот когда она стояла, закрыв ладонями уши, ее кто-то схватил за руку и потащил за собой.

- Не-ет! Не трогай меня, не прикасайся ко мне...

Она кричала и отбивалась, не открывая глаз и находясь на грани нервного срыва, пока шум поезда не стих... Она открыла глаза и увидела вместо ненавистного ей лица Перова бледное и испуганное лицо Сергея.

– Ты решила сбежать, даже не попрощавшись? – Он крепко держал ее за руку. Ветер трепал ее красную юбку, забирался под кофту и охлаждал грудь. – Но почему?

Эмма смотрела на него широко раскрытыми, полными слез глазами и не могла выговорить ни слова.

– Ты так и будешь молчать? Ты сбежала от мужа и теперь тебе надо возвращаться домой? Кого ты боишься: родителей, какого-то мужчину? Кого?

- Сережа, я убила человека...

– Дядю? Скажи, этого самого Юрия Александровича? Как это произошло, где? Если ты мне ничего не расскажешь, я не смогу помочь тебе... Расскажи мне все, тем более что все равно уже проговорилась... Убийство – это, конечно, серьезно... Но не думаю, что ты сделала это беспричинно... Ты застрелила его? Не молчи, говори...

– Я... Он приехал ко мне спустя два года после той свадьбы в Сухом... Мамы уже не было, она умерла. Я осталась совершенно одна и поэтому даже обрадовалась его приезду... У меня кончились все деньги, а на работу я еще не устроилась...

Сергей усадил ее на скамейку, стянул с себя свитер и прикрыл им плечи Эммы. Он был счастлив, что застал ее на станции и что она не успела уехать. Он слушал ее, и каждое ее слово болью отдавалось в его мозгу. Сейчас он словно очнулся от наваждения, которое охватило его, когда он впервые увидел Эмму. К его чувствам подключился и рассудок. Теперь он воспринимал Эмму не просто как женщину, которая пробудила в нем страсть, но и как человека, который нуждается в помощи. Он понимал, что те слова, которые он бормотал ей в горячности

о каком-то эфемерном денежном долге, были пустым, неосмысленным звуком. А сейчас он ловил каждое ее слово и пытался проникнуться всем услышанным.

– Поначалу все было чудесно. Он заботился обо мне. Сказал, что у него отпуск и что он решил его посвятить своей племяннице, то есть мне. Мы с ним сделали небольшой ремонт, привели квартиру в порядок, он кормил меня, готовил вкусные вещи, купил мне беличью шубку, теплые сапоги... А потом началось что-то непонятное...

– Кем он работал?

– Да, ты прав, я не сказала тебе самого главного... Он работал на Севере, я даже не могу назвать точно город... Он психиатр. Люди этой профессии всегда вызывали во мне любопытство. Вот и Юрий Александрович представлялся мне человеком необычным, наделенным особым складом ума... Это он первый рассказал мне о незавершенном гештальте.

– Что это такое?

– Это из области психологии... Понимаешь, существует понятие незавершенного гештальта, это когда человек, потрясенный чем-то в подростковом возрасте, оставшись неудовлетворенным своей ролью в том, что он УВИДЕЛ, потом всю жизнь подсознательно стремится к логическому завершению этого... Как случилось в свое время с Гумбертом Гумбертом... Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Та сцена в Сухом, когда ты на крыльце мыла полы, потрясла его?

– Да... Но еще раньше, когда он был мальчиком, он увидел приблизительно такую же сцену, с другой девочкой... Возможно, это было его первым сексуальным возбуждением... И он, увидев тогда в Сухом, как я мыла полы на крыльце, загипнотизировал меня и привез в лес... Скорее всего, он попытался меня изнасиловать, но разум взял верх, и он сдержал себя. Хотя, вполне вероятно, что он удовлетворился видом моего тела... Но эта картинка – девочка в подоткнутом платье, с голыми худенькими коленками, видимо, не давала ему покоя...

– Он сам тебе все это рассказывал?

– Конечно, кто же еще...

– А что было потом? Он тебя гипнотизировал и насиловал?

– Да. Но я ничего не знала. Абсолютно. Я была девственницей и чувствовала только ноющую боль внизу живота, тошноту и боли в пояснице. Утром я вставала совершенно разбитой... Я хотела пойти к врачу, но он мне запретил это строго-настрого, объяснив мое недомогание временными явлениями в женском организме... Он так хорошо умел убеждать... Кроме того, он все время дарил мне что-нибудь, кормил фруктами и сладостями, вот и представь, как я могла реагировать на его слова... Конечно, я его слушалась... Но потом начала обо всем догадываться. Его игры зашли слишком далеко. Очевидно, роль племянницы уже не удовлетворяла его, он начал придумывать какие-то более изощренные игры, приносил взятые напрокат костюмы... Я сначала никак не могла понять, почему в стиральной машине лежат какие-то бархатные камзолы, атласные платья и плащи... Кроме того, физически я стала чувствовать себя все хуже и хуже...

– Ты к тому времени уже закончила школу?

– Да, я как раз собиралась устроиться куда-нибудь на работу, чтобы на следующий год поступать в университет... Но он отговорил меня, сказал, что мне надо прийти в себя, отдохнуть... Он прожил у меня ровно месяц. Однажды во время одного из таких «сеансов», а точнее оргий, я очнулась и обнаружила, что лежу... Словом, я от стыда и ужаса даже не могла дышать... Я ни разу в жизни не видела голого мужчину, а тут передо мной предстало такое... Да еще при этом я испытывала такую боль, что, закричав, стала вырываться из его рук, я била его по лицу, царапалась, кусалась, обзывала его самыми последними словами... А потом, дотянувшись до пепельницы, схватила ее и со всего размаху ударила его по голове... А потом потеряла сознание...

С. Квартира на улице

Садовой. 1994 г.

Во сне ее мучили кошмары: к ней приходила по ночам Лена Кравченко и, глядя на нее своими широко раскрытыми глазами, в которых плясали лунные блики, простирала к ней руки с растопыренными пальцами, словно хотела схватить ее...

Возможно, Лене было беспокойно в том лесу, куда они отвезли ее тело?

После того, как Наташа позвонила Виктору, он подъехал к общежитию и бросил в их окно маленький камешек. Это был условный сигнал, к которому он прибегал всякий раз, когда хотел вызвать Лену или Наташу – никто из вахтеров Виктора так ни разу и не увидел.

Наташа выбежала на улицу, села к нему в машину и, захлебываясь слезами, рассказала, что Лены больше нет, что она умерла несколько часов тому назад после того, как ей неудачно сделали аборт. И что она, Наташа, вымыв комнату и уложив в большой пакет все, что осталось от операции и даже ночную сорочку Лены, спрятала это вместе с ее телом под кровать... Она целовала руки Виктору, умоляла его помочь ей вынести тело Лены из общежития и избавиться от него, чтобы забыть об этом кошмаре; говорила, давясь от рыданий, что она здесь совершенно ни при чем, что она отговаривала Лену от встречи с этой акушеркой, советовала ей обратиться к врачу, лечь в больницу, где ей легально сделают операцию... Но Лена из страха, что об этом узнают в училище, пошла на то, чтобы встретиться с какой-то сомнительной особой, пользующейся за умеренную плату и остальных «залетевших» девчонок из училища...

И Виктор помог ей. Ночью они через окно вынесли тело Лены Кравченко и на машине отвезли в лес, к Шереметевскому озеру, где и закопали вместе с пакетом, в котором лежали окровавленные полотенца, инструменты и перчатки, оставшиеся после операции. После чего Виктор приказал Наташе написать в училище заявление об уходе и поселил ее в маленькой запущенной квартирке, из которой она должна была наблюдать за живущей напротив – окно в окно – девушкой по имени Эмма.

Все произошло так быстро, что Наташа и опомниться не успела, как общежитие с его плебейско-коммунистическими порядками было уже позади вместе с комнатой, хранившей, как ей казалось, голос и запахи «исчезнувшей» Лены Кравченко... Вот был человек, и нет его.

«Возможно, – рассуждала она, – Виктор предполагал, что после исчезновения Лены Наташу начнут „таскать по прокуратурам и милициям“, расспрашивать о том, что знает Наташа о жизни Лены, о ее знакомых, выяснять, чем она занималась...» И в этом случае ей действительно самым благоприятным представлялся вариант, предложенный Виктором. Хотя, если исчезновением Лены все же займутся всерьез, то навряд ли уход из общежития и из училища ее лучшей подруги Наташи Балясниковой не привлечет к себе внимания следователей. А так вахтерша лишь вспомнит «женщину из собеса», и именно эта фигура и станет ключевой в расследовании исчезновения Лены. Ведь ДО прихода этой женщины Лена была у себя в комнате (это наверняка смогут подтвердить девчонки из соседних комнат), а после ухода акушерки, точнее, тоже исчезновения, ведь незнакомка мимо вахтерши уже не проходила, Лену никто больше не видел. Никто не спрашивал о ней и вечером, когда Наташа, затаившись, ждала в комнате прихода Виктора, сидя на кровати напротив той, под которой лежало тело несчастной подруги...

Наташа съехала из общежития уже на следующий же день, когда Лены еще не хватились. Она переехала на Садовую и с того момента ни разу не покидала эту квартиру самостоятельно – по клиентам ее возил сам Виктор. Задание, которое он поручил ей в отношении девушки Эммы, живущей напротив, представлялось ей пустячным: Эмма жила в квартире со своим

отцом, и ее жизнь представлялась Наташе такой же скучной и однообразной, как жизнь других ее сверстниц-домоседок: кухня, уборка и диван с телевизором. Эмма, судя по всему, нигде не работала.

Зная нетерпимый и раздражительный нрав Виктора, Наташа боялась задать ему лишний вопрос, а потому, продолжая наблюдать за окнами квартиры, в которой жила Эмма, она так и не поняла, в чем же заключается смысл этого занятия. И лишь спустя несколько дней, когда она, стоя у окна и наблюдая при помощи бинокля за перемещениями соседей, увидела нечто, что потрясло ее и вызвало прилив тошноты и отвращения, ей сразу стало понятным, чего ждал от нее и что хотел узнать или увидеть Виктор...

Эмма оказалась ей больной, безвольной и вялой; она лежала на диване, а ее отец или тот, кого Наташа прежде считала ее отцом, раздевал ее...

А дальше все происходило почти так же, как бывает у всех, с той лишь разницей, что в действии не принимала участия сама Эмма. Она оставалась практически неподвижной, в то время, как мужчина, напротив, был чрезмерно активен, невыдержан и его телодвижения свидетельствовали скорее о его психическом нездоровье, нежели о страсти...

Шторы на противоположных окнах были раздвинуты не так часто, как этого хотелось бы Виктору, который после первого рассказа Наташи о сексуальных играх «соседей» подолгу стоял перед окном в надежде увидеть хоть что-нибудь. В этом плане больше «везло» Наташе, следившей за окнами днем. Быть может, поэтому Виктор и поручил именно ей заснять на пленку все то, что имело отношение к занятиям сексом этой странной пары. И если в первую неделю наблюдений таких съемок было всего две, то к концу второй накопилось почти десяток.

Виктор не скрывал своей радости по поводу пополнявшейся с каждым днем коллекции порноэпизодов, а Наташа ломала себе голову над тем, зачем ему все это нужно, пока не услышала ключевое: «Ну все, попался, голубчик...»

А однажды поздно вечером он даже вскрикнул от радости, держа в руках камеру, снимавшую противоположные окна: там, очевидно, случилось нечто такое, чего он, видимо, терпеливо ждал все это время... После этого Виктор вдруг замер, продолжая непрерывно снимать. В комнате был слышен лишь тихий звук работающей камеры. После чего он осторожно положил ее на стол и буквально вылетел из квартиры, бросив на ходу: «Все, с ним все кончено... гад... и птичка попалась!...»

Наташа видела, как Виктор появился в комнате рядом с лежащей на ковре девушкой и начал ей что-то говорить, яростно жестикулируя и показывая на лежащего на полу мужчину, голова которого была залита кровью... Но она никак не реагировала на его слова, вероятно, находясь в беспамятстве... Рядом с головой мужчины Наташа увидела большой стеклянный предмет, похожий на пепельницу, тоже выпачканный кровью.

Оставшись на это недолгое время одна, Наташа дала волю разыгравшемуся воображению, подсказавшему ей, что именно могло произойти только что в квартире Эммы, и памяти – этому куску льда, не желавшему размораживаться. Память вдруг выдала ей почти что реальную цветную картинку из недавнего прошлого: Лена Кравченко лежит на полу, прикрытая красным одеялом... Но вот одеяло сброшено, и Наташа видит ночную сорочку, пропитанную кровью... Убийца не мог предусмотреть, что эту сорочку кто-то вдруг вздумает снять с мертвого тела и что под этой сорочкой под левой грудью этот КТО-ТО увидит маленькую дырочку – след от пули... Не надо быть экспертом, чтобы понять, что такой след может оставить лишь огнестрельное оружие. Пистолет, например.

И только сейчас, стоя возле окна и глядя на то, как Виктор заворачивает тело мужчины в простыню теми же движениями, какими он не так давно заворачивал в одеяло тело Лены Кравченко, Наташа поняла, что Виктор не только не помог ей выбраться из жуткой истории с убитой подружкой, но и ввязал ее в другую – с убийством совершенно незнакомого ей человека. И мозаика, фрагменты которой долгое время не могли совпасть, вдруг сложилась в логиче-

ски завершенный узор, ошеломивший Наташу своей простотой: а ведь Лена Кравченко умерла не от аборта, а именно от пули. Ее застрелили. Человек, который вошел в комнату как раз в тот момент, когда акушерка делала аборт, испугал ее, и женщина либо сама выбежала из комнаты и бросилась из общежития через окно, оставив все инструменты и прочее, либо он, убийца, ЗАСТАВИЛ ее незаметно уйти... Зачем? Да чтобы в случае, если тело Кравченко первой обнаружит Наташа, смерть подружки выглядела бы как результат неудачной операции... И этим убийцей мог быть только Виктор. А причина убийства, наверное, заключалась в той панике, которой поддалась несчастная Лена, испугавшаяся того, что она, после того, как всем станет известно, каким образом она зарабатывает себе на жизнь... Возможно, между ней и Виктором произошел острый разговор – до прихода акушерки или после ее бегства. Лена и раньше говорила Наташе, что Виктор их попросту обирает и что если ей представится случай расстаться с Виктором, выйти, например, замуж за одного из клиентов, то она сделает это с удовольствием, но перед этим «потреплет этому мерзавцу нервы»... Вот и потрепала. Наверняка ляпнула какую-нибудь глупость, а то и решилась на угрозы... Дурочка!..

Наташа хотела уже сбежать из квартиры, сесть на такси, добраться до вокзала, а оттуда уже на последней электричке доехать до родной Квасниковки, как вдруг увидела на пороге Виктора. «Мне нужна твоя помощь».

Она, как во сне, вошла с ним в квартиру Эммы, по-прежнему находившейся без сознания, и помогла Виктору вынести покойника и перенести его туда, откуда она только что пришла.

– Сиди и присматривай за ним, а я к ней...

И он снова ушел, оставив ее с этим мертвецом...

Наташа бросилась к окну и увидела, как Виктор за руку выводит Эмму из дома, усаживает в свою машину и куда-то увозит...

Понимая, что она стала не только свидетельницей, но и участницей какого-то страшного действия, задуманного Виктором в отношении Эммы, Наташа по-настоящему испугалась. Надо было срочно принимать решение, причем то единственное, способное что-то по-настоящему серьезно изменить в ее жизни, но в случае, если ей это не удастся, принесет смерть: ей оставалось только одно – бегство, и немедленное...

Она посмотрела на небольшой кейс, который Виктор оставил на столе и в котором, как надеялась Наташа, были хоть какие-то деньги, взяла его, выбежала с ним из квартиры и остановила первую попавшуюся машину...

С. Июль 1994 г.

Какой-то мужчина что-то ей говорил, но Эмма не слышала его. Она видела перед собой лишь паркет и ковер, залитые кровью, окровавленную хрустальную пепельницу и желтый бархатный камзол в каплях крови.

– Кто вы? – спросила она, чувствуя, что жизнь ее заканчивается вот здесь, в этой самой квартире, на этом ковре. Этот человек, наверно, все видел и слышал... И вообще, что он здесь делает? И как он здесь оказался? И где Юрий Александрович Холодный, ее дядя, которого она убила вот этой самой пепельницей? Его тело, наверно, уже увезли...

– Где он? – Эмма с трудом разлепила губы и головой кивнула в сторону кровавой лужи.

– Поедем, я тебе все покажу...

Она покорно пошла вслед за ним, чувствуя, как слабы ее ноги и как тяжела голова. Они сели в машину и поехали. Была ночь, за окнами мелькали фонари, человек, везший Эмму в неизвестность, курил. И вдруг она услышала:

– Будешь звать меня очень просто: Перов. Я видел все, что он с тобой делал на протяжении целого месяца. Можно было снять недурственный фильм, на любителя, правда... В принципе я ждал, что этим все и закончится... Он тебе кто? Богатый любовник?

– Дядя, – ответила она не своим голосом. – А что вы видели?

– Как вы развлекались... Но теперь ты полностью в моих руках... Я все заснял на пленку... С этого дня ты будешь работать на меня...

– А куда мы едем сейчас?

– В лес. Я покажу тебе место, где отдыхает твой ДЯДЯ... – И мужчина засмеялся неприятным хриплым смехом.

Они выехали за город, и машина понеслась на огромной скорости в сторону городской свалки. Спустя четверть часа они уже въезжали в лес. Фары осветили узкую лесную дорогу, на которой мелькали черные тени от деревьев, вскоре машина остановилась. Перов – это был молодой мужчина в джинсах и черной рубашке, лица Эмме пока не удавалось разглядеть – помог ей выйти из машины, взял ее за руку и повел за собой в глубь леса.

– Ты что, собираешься убить меня?

– Да нет же, не глупи... Просто хочу показать тебе, где находится твой дядя... Вот, видишь? – Он остановился перед земляным холмом, прикрытым еловыми ветками. – Я закопал его здесь. Теперь, если ты вдруг вздумаешь перечить мне, помни – ты в моих руках... У меня есть доказательства, что это именно ты убила его... Тебя посадят в тюрьму, ну а там уж ты недолго протянешь... Так что выбирай...

– А зачем я тебе? – Эмма обращалась к нему на «ты», поскольку после случившегося этой ночью в ее жизни вообще ничего не имело значения. У нее и голос был равнодушным, бесцветным. – Что тебе от меня нужно?

– У меня есть несколько идей на твой счет... Думаю, что, когда ты освоишься, ты не пожалеешь о том, что встретила в своей жизни такого человека, как я.

Только сейчас, в свете фар, она смогла наконец рассмотреть его. Худой, темноволосый, с острым прямым носом и маленькими пронзительными глазами. Тонкие губы выдают в нем жестокого и хладнокровного человека.

– А теперь поедem к тебе, надо привести квартиру в порядок, отмыть от крови и избавиться от вещей твоего дяди...

Луговое. Июль 1996 г.

– Значит, он жил в доме напротив и наблюдал за вами из своего окна, а потом установил камеру... ничего себе... – Сергей и сам почувствовал озноб, больше от всего услышанного, чем от сырости и утренней прохлады. – И теперь он шантажирует тебя? Заставляет зарабатывать для него деньги?

Эмма обхватила руками плечи и сжалась от пронизывающего ветра.

– Теперь ты понимаешь, что я не могу жить с вами в одном доме. Вся моя жизнь – сплошная грязь. Ты думаешь, мне было легко рассказывать тебе все это? Куда приятнее было бы думать, что ты будешь вспоминать меня просто как девушку, которую повстречал в электричке и с которой у тебя был легкий дачный роман... Солнце, сад, цветы, качели, красная юбка...

Сергей посадил ее к себе на колени. На платформе не было ни единого человека. Он прижал Эмму к себе и поцеловал ее. Его язык скользил между ее губами, а руки расстегивали белую кофту. Когда он целовал ей грудь, Эмма закрыла глаза и картины ее прошлого начали затуманиваться... Как бы ей хотелось, чтобы этот поцелуй, эти ласки никогда не кончались. Но она знала, что мужчина, который в эту минуту любил ее, принадлежал другой женщине...

– Ты проводишь меня? – спросила она, обнимая его и мысленно прощаясь с Сергеем. Голос ее дрожал, она понимала, что видит его в последний раз. – Посади меня на электричку... Мне действительно ПОРА возвращаться домой... У каждого человека своя жизнь...

– Неужели ты думаешь, что после того, как ты мне все о себе рассказала, я вот так запросто расстанусь с тобой? У нас с тобой еще не было времени, чтобы все обдумать, но не лучше ли сразу пойти в милицию, все рассказать и снять с себя этот груз?..

– Нет, Сережа, я и сама не раз думала об этом. Но прошло уже два года. Теперь я ничего не докажу. А вот Перов докажет... Кроме того, мне ведь приходилось все это время вести такой образ жизни, при котором нет смысла надеяться на то, что мне кто-нибудь поверит... Даже ты изменил ко мне свое отношение, я же понимаю...

Она сидела на скамье с отрешенным видом и, как девчонка, нервно сучила ногами.

– А что, если откупиться от твоего Перова? Ведь должен быть какой-то выход... Ты же не можешь работать на него всю жизнь?

– Рано или поздно я заболею, и вот тогда уже не буду нужна никому...

– Пойдем, – он взял ее за руку, – пойдем... Лора нас, наверное, заждалась... Мы скажем ей, что ходили за молоком... Здесь, в домике неподалеку, продают его...

* * *

В полдень выглянуло солнце, и все дачники высыпали на пляж. Оставив варенье, собралась туда и Лора.

– Хватит вам копаться в земле! – крикнула она с крыльца, обращаясь к Сергею и Эмме, которые, делая вид, что пропалывают грядки с огурцами, просто наслаждались обществом друг друга и млели под горячими солнечными лучами. Ранняя утренняя прогулка на станцию заставила их более бережно относиться к солнечному теплу и покою. Лора, конечно же, не могла и предположить, что происходило сейчас в их душах. В то время, как Сергей думал о Перове и о том, как помочь Эмме, Эмма гнала подобные мысли прочь: уж она-то хорошо знала, что НИКОГДА И НИКАКИМ способом от Перова теперь не отвяжется. За два года она хорошо изучила его и понимала, что ей надеяться не на что. Мужчины, свидания с которыми устраивал для нее Перов, платили неплохие деньги, это был для Перова постоянный заработок. Эмма не знала, где он живет и чем занимается, кроме поиска новых клиентов. Он мог нагрянуть к ней в любое время, чтобы забрать деньги, спросить что-нибудь про клиентов, посоветовать, как

вести себя с новым клиентом, напомнить, чтобы сходила к врачу и прошла «на всякий случай» медосмотр, проверить, хорошо ли запирается квартира, купила ли она себе противозачаточные таблетки... Для него Эмма была животным, зарабатывающим деньги своим телом. До встречи с ним она даже представить себе не могла, что существуют такие безжалостные хищники, как Перов. Она панически боялась его и всегда, когда слышала его характерный звонок в дверь, вздрагивала, словно от удара. Он внушал ей ужас своим видом, голосом и даже запахом. И хотя он старался выглядеть как уважаемый интеллигентный мужчина, его речь, резкие движения и нервозность выдавали в нем негодяя, человека, чья совесть нечиста.

– Люди, вы меня слышите?! Эмма, пойдем, я нашла в шкафу чей-то купальник, тоже поплещешься с нами... нечего тебе сидеть на берегу в одежде... Хватит на сегодня работать...

Эмма поднялась с грядки, на которой сидела на корточках, и потянулась всем телом. Ей было жарко, на лбу выступили капельки пота.

– Сережа, – проговорила она вполголоса, чтобы ее не услышала Лора, – скажи своей жене, что я не надена «чей-то» купальник... Мне проще сходить в магазин и купить себе новый... И не смотри на меня так... Я понимаю, конечно, что после всего, что я тебе сегодня рассказала, ты, наверно, удивишься моим словам... Но я действительно не надена чужой купальник...

– Не сердись на Лору, она и сама не знает, что несет, – покраснел Сергей, встал и быстрым шагом направился в дом, где уже скрылась Лора. Отыскав ее в спальне, он, глядя на то, как она собирается переодеться в красивый розовый купальник, пробормотал в страшном волнении:

– Лора... Ты не должна была предлагать Эмме неизвестно чей купальник... Это по меньшей мере неприлично...

– Вот как? – Лора хмыкнула и, поведя плечами, не спеша, достаточно выразительно сняла с себя трусики, закинула их на кровать и принялась медленно натягивать на себя тугую эластичный купальник. – Какие мы брезгливые... Может, мы приобретем ей купальник, а потом и все остальное?... Сергей, тебе следует поставить ее на место... Она должна быть рада, что вообще живет с нами... Купальник Зоин, чистый, она его при мне стирала, к тому же он весь прокалился на солнце...

– Лора, по-моему, ты вот уже два дня только и делаешь, что ставишь Эмму на место, то есть на грядки... И меня заодно. Когда мы покупали эту дачу, я предупреждал тебя, что не намерен выращивать здесь огурцы и прочую зелень... Я достаточно много работаю и, уж конечно, зарабатываю, чтобы не изводить себя таким изуверским образом... У меня глаза устают на работе, так приходится еще и возиться с твоими сорняками...

– Старая песня, – Лора ловко продела руки в бретельки купальника и, оттянув их, щелкнула ими по своим плечам. Затем, покрутившись перед зеркалом, состроила кислую мину: – Разумеется, ты можешь не надрываться на грядках, но ОНА, если мне не изменяет память, была здесь оставлена именно на этих условиях... Кстати, ты спросил ее, что с ней произошло в тот вечер и почему она решила распрощаться с жизнью?

– Не кричи так громко, она может услышать...

– Ну и пусть слышит. Вы оба мне уже надоели: одна со своими проблемами, другой – со своей сердобольностью. Оставьте меня, наконец, в покое... Я же сказала вам, что на сегодня работать хватит, чего тебе еще?!

– Лора, ты нервничаешь? – Сергей внимательно посмотрел на нее и больно схватил ее за руку. – С чего бы это?

– Ни с чего, – она отдернула руку и отвернулась от него. – Давай сходи с ней в магазин за купальником. Всю неделю должна быть жара, ей все равно придется раздеться...

Жена вышла из спальни, а Сергей еще некоторое время смотрел ей вслед, думая об одном: догадывается ли Лора об их отношениях с Эммой или нет. «Нет, конечно, не догадывается... Но я должен ей все рассказать...»

Всю дорогу до магазина, куда они направились втроем – Эмма, Сергей и Лора (Саша с самого утра был на пляже), – Сергей вспоминал рассказы своих знакомых мужчин о подобных ситуациях, но чем больше он об этом размышлял, тем больше ему становилось ясным: ни один из его друзей не относился к своим любовницам так, как относится он к Эмме. Для них связь на стороне являлась обычным мужским развлечением, не больше. Конечно, его друзья были разными, кто более циничен, кто менее, но все же в их любовных связях и романах присутствовало нечто объединявшее их всех: полное равнодушие к собственным женам, в случае если те узнают о существовании любовницы. Они не видели в этом проблемы. «Старик, все это старо как мир...» – сказал бы ему любой из них. Он знал, что его друзья устраивают свидания где придется, начиная с собственных автомобилей и кончая гостиничными номерами или свободными квартирами своих знакомых. Это означало, что они ПРЯЧУТСЯ. Сергей же не прятался никогда и ни от кого. В этом плане он был своего рода уникал. Да разве он мог предположить, что в его жизни произойдет нечто подобное, что он познакомится с девушкой, приведет ее в дом и уже через несколько часов будет наслаждаться с нею на лесной поляне, забыв обо всем на свете?..

Крохотный магазинчик на окраине дачного поселка был набит всем необходимым: продуктами, мылом, легкой одеждой, соломенными шляпами, лейками и шлангами, дешевыми китайскими мокасинами, рюкзаками, мячами, удочками, лекарствами... Эмма выбрала себе простой классический черный закрытый купальник, и они с Лорой пошли примерять его за ширму. Первой вышла Лора, поравнявшись с Сергеем, она коротко бросила:

– Слушай, у твоей протезе изумительная фигурка... Мне с моей грудью... – она не договорила и вышла из магазина. Появившаяся следом за ней Эмма, в своей одежде, сквозь которую теперь слегка просвечивал черный купальник, улыбнулась Сергею одними глазами.

– Ну что, все в порядке? – спросил он, испытывая чувство легкой досады, оттого что на пляж они идут ВТРОЕМ, а не вдвоем, с Эммой.

Когда Эмма, забрав наверх тяжелые рыжие волосы, осторожно вошла в воду, Сергей заметил, что все мужчины, находившиеся поблизости, смотрели только на нее. Смотрели на нее и женщины, которые пришли на пляж с этими мужчинами. Но какими же разными были эти взгляды! Кожа Эммы, очевидно, еще не познавшая в этом году загара, была молочно-белая, тонкая и прозрачная. Солнце запуталось в золотых волосах. Стройная, затянута в черный купальник, она стояла, заломив руки кверху, и словно боялась войти глубже в воду.

– Ну же... – Лора, войдя вслед за Эммой, зачерпнула воду ладонью и окатила ее со спины. Эмма вскрикнула, побежала и уже через мгновение плавно, как черная рыбка, нырнула, всплыв воду и поднимая вокруг себя брызги. Некоторые из мужчин, не выдержав, захлопали... Сергей повернул голову и увидел совсем еще юных подростков, вскочивших со своих мест и бросившихся в воду вслед за Эммой... Ревность, совершенно неуместная в этом случае, заставила Сергея тоже подняться и приблизиться к воде. И теперь он молча следил за несколькими торчащими из воды головами, думая о том, что Эмме всего двадцать лет, в то время как ему уже сорок. Он ревновал ее к этим мальчишкам, плывущим теперь рядом с ней и, судя по всему, о чем-то разговаривающим с Эммой и, возможно, отпускающим ей комплименты. Сергей в эти мгновения не думал о тех многих мужчинах, с которыми ей приходилось заниматься последние два года куда более изощренными вещами. Возможно, что он просто еще не осознал всю сложность их зарождающихся отношений и воспринимал Эмму такой, какой он видел ее сейчас или... хотел видеть... Когда он пытался представить ее в объятиях другого мужчины, у него ничего не получалось. Словно Эмма рассказывала ему не о себе, а о какой-то другой женщине.

Лора, выйдя из воды, тоже не спешила на песок. Она стояла и смотрела на Эмму. Но потом, словно очнувшись от своих мыслей, подошла к Сергею:

– А ты чего стоишь? Вдруг твоя рыбка утонет? Хотя... навряд ли... Смотри, сколько вокруг нее появилось поклонников... Они не дадут ей утонуть. Ты ее не ревнуешь, случаем?

Он посмотрел на нее. Лора явно была недовольна присутствием на пляже Эммы, и ей даже не хватало сил скрывать это. В этот день Лора была не похожа сама на себя, всегда уверенная в себе, ироничная, надменная и вообще тиранка по натуре, сейчас она вела себя как женщина, с которой неожиданно сорвали одежду и оставили на обозрение целой толпы. И эта толпа, увидев ее наготу, вдруг обнаружила в ней великое множество изъянов...

Сергей не ответил жене, он, так же, как Лора и многие на пляже, смотрел на выходящую из воды Эмму. Она шла, очень мягко и женственно ступая по мокрому песку, не обращая ни малейшего внимания на подростков, которые теперь, обступив ее кольцом, приглашали поиграть с ними в волейбол. Перешагнув через одного из них, загорелого и жилистого парня, который улегся прямо на песок возле ее ног, чтобы попытаться шутя схватить ее, Эмма подошла к Сергею и, зачесывая пальцами непослушные мокрые волосы за уши, сказала, что вода все-таки слишком холодна для нее. Потом откуда-то прибежал запыхавшийся чертенок Сашка, мокрый от воды, с посиневшими от холода губами.

– Я поймал рака, вон там. – Он показал рукой в сторону старого голубого дебаркадера. – Там их много... Пойдем, покажу...

Сергей взглянул на Эмму – она смотрела на Сашу задумчивым взглядом и наверняка думала о том же, что и он: как могут сказаться их внезапно возникшие отношения на Саше? Что теперь станет с его семьей, с Лорой?.. И что же это за чувства такие, ради которых придется встать перед выбором: с кем остаться и вообще как дальше жить?

Эмма испытывала угрызения совести, она чувствовала себя виноватой, и это чувство омрачало то зыбкое и сладостное ощущение счастья, которым она жила весь сегодняшний день. «Лучше бы, если я уехала отсюда утром... Постепенно все встало бы на свои места...»

– Мама, ты пойдешь с нами смотреть раков?! – крикнул Саша, обращаясь к Лоре, которая только что расположилась на лежаке, собираясь позагорать. Очевидно, она предполагала, что Сергей с Эммой тотчас последуют ее примеру, ей и в голову не могло прийти, что они отправятся куда-то к дебаркадеру, а потому, приоткрыв глаза и глядя на мужа с Эммой сквозь красную от солнца пелену, пробормотала:

– Раков? Каких еще раков? – Два красных силуэта слились в один. Лора резко поднялась и замотала головой, словно отгоняя от себя назойливое видение.

Она поняла, что стоит ей сейчас пойти с ними к дебаркадеру, как тем самым она признается в своей ревности к Сергею. Но отпускать их одних... этого ей тоже не хотелось.

– Саша, тебе пора обедать... Предлагаю всем вернуться домой... А то мы с этим купанием совсем забыли про еду...

Она встала, а это означало, что решение ею принято и вряд ли кто осмелится воспротивиться ему.

– Хорошо, обедать так обедать, – проговорил Сергей, пожимая плечами. – А раков твоих мы посмотрим завтра утром... – Он потрепал сына по затылку и нежно поцеловал его. – Пойдемте, возле воды всегда почему-то разыгрывается аппетит...

* * *

Она уже не помнила, сколько дней жила на даче Орловых. Лора постепенно привыкла к присутствию гостыи, и даже приезд громкоголосой и вездесущей Зои не помешал ей относиться к Эмме по-прежнему ровно и спокойно.

– Лора, а ты не боишься, что потеряешь Орлова? – Зоя, густо обмазавшись кремом для загара, лежала на пляже рядом с подругой и мешала ей читать детектив. – Смотри, они прямо как голубки... Воркуют... Заплыли так далеко... Жаль, что я не умею плавать так хорошо, как эта рыжая кошка... Лора, чего ты все молчишь? Чувствуешь себя бессильной? А ты попроси

меня, и я сделаю так, что она сразу же уедет отсюда... Или ты боишься, что тогда некому будет готовить салаты и вынимать косточки из вишен?

– Зоя, не кричи... Я же читаю...

– Да я не верю тебе, что ты не ревнуешь его... Она красива, это тебе скажу даже я, хотя мне, если по-честному, неприятно об этом говорить... Они постоянно вместе... Ну ответь, почему Орлов перестал ездить в город? У него что, сейчас мало работы?

– Как раз наоборот... Какой-то человек заказал ему кольцо и серьги на годовщину свадьбы... У Сергея и материал есть... Он мне объяснил, что все дело в эскизах... Он никак не может придумать что-нибудь оригинальное... В голову ему, видишь ли, ничего не приходит...

– Я бы тебе сказала, что у него сейчас в голове, но ведь ты все равно не поверишь... Твой муж влюбился, Лора. И, по-моему, серьезно. И как ты вообще могла согласиться, чтобы она столько времени жила здесь... Они все это придумали... насчет самоубийства... У такой красотки, как Эмма, не должно быть никаких причин для того, чтобы лишать себя жизни. Если она захочет, то может иметь все...

– Мы ничего о ней не знаем. – Лора вдруг оживилась и отложила книгу. Затем она перевернулась на спину и прикрыла лицо соломенной шляпой. Она понимала, что Зоя права, но не хотела признаваться в этом ни ей, ни тем более себе. Кроме того, в голове у нее появились совершенно другие мысли... Но ими она тоже не могла поделиться с Зоей, настолько они были сокровенны...

– Так узнай! Ты фамилию ее хотя бы знаешь?

– Нет.

– Ну ты даешь! А вдруг она преступница?

– Ну и что с того? Здесь все равно брать нечего... – Лора говорила и думала о том, насколько же близоруким человеком надо быть Зое, чтобы не понять самого главного: ну не может любящая жена так спокойно относиться к присутствию на даче красивой девушки, которая явно нравится ее мужу. Неужели Зоя еще не заметила, что их отношения с Орловым уже давно дали трещину? Неужели это никому еще не бросилось в глаза? Разумеется, Эмма немного действует на нервы, но ведь ее присутствие может оказаться и полезным для Лоры. Например, в четверг Лора может сказать, что у них кончились продукты и отправить Эмму вместе с Сергеем в город, на рынок... Саша уйдет к соседскому мальчику играть в компьютерные игры... А Лора останется совсем одна. И тогда уже никто не сможет помешать ей встретиться с Валентином... Он обещал приехать в десять часов. И у них будет много, очень много времени... Возможно, им не придется прятаться в посадках, как на прошлой неделе, и они сумеют воспользоваться ключами от дачи Листовых... Долгое отсутствие Лоры никто не заметит... Они с Валентином запрутся на пустой даче и будут часов до трех заниматься любовью...

– Надо бы прихватить холодного красного вина, – сказала Лора и испуганно оглянулась, подумав, что ее внезапно вырвавшиеся слова мог услышать муж.

– Ты хочешь выпить? – спросила ничего не понимающая Зоя и промокнула выступивший на лбу пот. – В такую жару?

Подошла и легла возле них Эмма. Наплававшись вдоволь, она, загребая руками горячий сверкающий песок, тяжело дышала, приходя в себя, капельки воды дрожали на кончиках ее потемневших от воды волос. Рядом плавно опустился на песок Сергей. Он тоже тяжело дышал. На его смуглом теле блестели капли воды.

– Ну вы прямо как дети, – нараспев произнесла Зоя, выгибаясь всем телом и расправляя затекшие мышцы. Она была худенькая, длинноногая, но какая-то нескладная, с лошадиной челюстью и большими навывкате голубыми глазами. Ее русые тонкие волосы торчали в разные стороны. Красное обожженное лицо Зои постоянно менялось, словно она за всю свою тридцатилетнюю жизнь так и не сумела подобрать для себя нужное выражение. – Эмма, а ты неплохо загорела... Смотри не сгори, хочешь, я дам тебе немного крема для загара? – Зоя,

хотя и приставала к Лоре со своими подозрениями насчет Эммы и Сергея, в душе восхищалась Эммой и хотела бы в конечном счете стать ее подругой, чтобы иметь возможность понаблюдать ее в жизни, подсмотреть, как живет эта красавица, как накладывает макияж, как одевается, укладывает волосы... Ее интересовало в Эмме абсолютно все. Зоя хотела бы стать похожей на Эмму, но для того, чтобы максимально приблизиться к своему идолу, надо было с ней подружиться и постепенно, шаг за шагом, войти в ее жизнь... Войдя таким же образом в жизнь Лоры, Зоя очень быстро разочаровалась. Лора жила замкнуто и основное внимание уделяла семье. Здесь не было ни интриг, ни любовных похаживаний, никакой романтики, ничего такого, что Зоя могла бы примерить на себя... Зоя знала, что у нее никогда не будет такого благополучного мужа, как Сергей, да и детей она тоже иметь никогда не сможет, тогда зачем же, спрашивается, ПИТАТЬСЯ Лориной жизнью, если из нее ничего ДЛЯ СЕБЯ не почерпнешь? А вот у Эммы наверняка другая жизнь, материально благополучная, полная любовных романов, страстей, переживаний... У Зои, проработавшей несколько лет в школе преподавателем русского языка и литературы, практически никогда не было денег. Вот и сейчас, растратив почти все отпускные, она просто вынуждена была приехать к Орловым, чтобы хотя бы обеспечить себя бесплатной едой. Лора завидовала ее аппетиту и возможности есть от души, поскольку сама постоянно изнуряла себя диетами и не могла себе позволить многое из того, что сама же подавала на стол.

Эмма, казалось, не слышала, что Зоя предложила ей крем, и было похоже на то, что она крепко спит. На самом же деле она вспоминала последний заплыв с Сергеем к буйкам, где он заявил ей, что больше не может скрывать от Лоры свои чувства и уже совсем близок к тому, чтобы во всем признаться жене.

– Пожалуйста, не делай этого... – Эмма, держась за красный блестящий буюк, потерлась щекой о плечо Сергея. – Ты только подумай, какой будет скандал...

– Как ты не понимаешь, что я не могу больше сдерживаться... Ты постоянно находишься рядом, я чувствую твоё дыхание, слышу твой голос и не знаю, как мне вести себя с тобой, чтобы не выдать свои чувства... Но самое ужасное, что Лора уже наверняка все заметила... Да и Зоя поглядывает на нас с подозрением... Так не может дальше продолжаться...

– Тогда позволь мне уехать отсюда... Все равно ничего хорошего у нас с тобой не получится... Ведь у тебя есть Саша...

– Саша? Он мой сын, и этим все сказано. Он не пострадает... уж я об этом позабочусь... Тем более что он еще слишком мал, чтобы что-нибудь понять...

– Напрасно ты так думаешь, когда он узнает о том, что ты УХОДИШЬ от них, он будет страдать... И еще... Сергей, ты почему не едешь в город на работу? Неужели из-за меня?

– Во-первых, из-за тебя, а во-вторых – тоже из-за тебя. Я боюсь, что без меня ты уедешь и я не смогу тебя найти... И еще... я не могу поехать в город, потому что там меня ждет один заказ, а у меня еще нет эскиза... Голова забита совершенно другими проблемами. Я взрослый человек, я подумываю о том, чтобы встретиться с твоим Перовым, договориться с ним, возможно, откупиться, а то и вовсе посадить его... Еще я думаю о том, чтобы снять для нас квартиру, потому что встречаться урывками, прятаясь, я не смогу... Просто я не такой человек.

– Ты говоришь не то... С Перовым ты все равно никогда не договоришься... Он не отпустит меня. Потому что, пойми, стоит ему отпустить меня, как тут же у меня появится возможность шантажировать ЕГО... Он поймет, что поскольку теперь есть кому за меня заступиться, значит, я его не боюсь. Следовательно, это означает, что он потеряет власть надо мной... А вдруг я сама пойду в милицию и скажу, что это не я, а ОН, Перов, убил Холодного?.. Ведь существует труп – значит, есть и убийца. А если ты заплатишь ему за меня крупную сумму денег, то он поймет и то, что с помощью тех же денег можно вообще избавиться от него...

– Не понял.

– Что же тут непонятного? Перов причинил мне столько боли и не может не думать о том, что я захочу отомстить ему за все унижения... Найму киллера, чтобы он убил Перова. Вот и все. И не смотри на меня так... Перов – человек, мыслящий иными категориями, нежели ты... Окажись он в такой ситуации, как я, он бы не долго думал, прежде чем отправить шантажиста на тот свет...

– Что же ты предлагаешь?

– В том-то и дело, что ничего... У меня нет выхода. А потому самое разумное – нам с тобой расстаться. Ты остаешься в семье и стараешься забыть меня, а я возвращаюсь к Перову... Ведь он же все равно найдет меня. Он такой, этот Перов... Кроме того, меня ждет наказание...

– Наказание?

– Конечно. Ведь я сбежала от него. Клиенты меня ждут... Они звонят ему и расспрашивают обо мне. Я не приношу ему денег...

– Да зачем ему столько денег? Как он вообще живет? Что больше всего любит? Такие люди, как он, склонны к алкоголю... Он пьет?

– Я бы не сказала... Думаю, что он сейчас копит на машину. У него уже есть «Фольксваген», а теперь ему хочется что-нибудь поновее и пошикарнее... Он пижон, любит хорошо одеться, обедает и ужинает в дорогих ресторанах, живет в большой квартире где-то в центре города, но где именно, я так и не узнала... Он скрывает от меня свой адрес...

– Скажи, Эмма, а ты и с ним... тоже?

Она наклонила голову набок, солнце ударило в глаза, ослепляя...

– Я бы не хотела отвечать тебе на этот вопрос...

– Он не питает к тебе никаких чувств?

– Я не знаю...

Она закрыла глаза и вспомнила, как примерно с месяц тому назад Перов приехал к ней домой далеко за полночь... Она открыла ему дверь, и он сразу набросился на нее, начал срывать с нее рубашку и, когда она стала сопротивляться, наорал на нее, что, мол, со стариками-импотентами ты позволяешь себе все... И тогда с ней случилась истерика, она тоже кричала, расцарапала ему щеки и говорила при этом, что если он сейчас не уберется, то она никуда не пойдет и не станет работать на него... что она устала, что она ненавидит всех мужчин и особенно его, Перова... Но он был сильнее, а потому просто подхватил ее на руки и бросил на кровать. Но воспользоваться ее слабостью не смог, похоже, она наговорила ему много такого, чего мужчинам слышать нельзя...

– Извини, я не должен был тебя об этом спрашивать... – Сергей притянул ее к себе, и она почувствовала, как он обхватил своими ногами ее ноги. Вода казалась теплой, а солнце жгло щеки и плечи. – Как ты думаешь, кто-нибудь заметит, если я тебя сейчас поцелую?

– Думаю, что ВСЕ. Разве ты еще не понял, что весь пляж, весь дачный поселок следит за нашими отношениями?

– Тогда поплыли назад?

– Поплыли... – Она так посмотрела на него, что у него перехватило дыхание: сколько же грусти, сколько тоски и безысходности было в этом долгом и почти прощальном взгляде.

– Мы все равно что-нибудь придумаем...

Глава 4

Луговое. Июль 1996 г.

Теперь уже подниматься по ночам в спальню к Эмме стало невозможным: в одной постели с ней спала Зоя. И хотя они спали под разными одеялами, Орлов слышал от Эммы, что она испытывает от этого дискомфорт и с трудом терпит такое соседство. Зое же такие ночевки пришлись по душе. Это она сама подговорила Лору устроить их таким образом, чтобы не стелить лишнюю постель на веранде. «И тебе хлопот меньше, да и белья меньше стирать придется...» – говорила она Лоре, которой поначалу эта мысль показалась абсурдной, но потом Лора поняла, какую идею, помимо избавления ее от хлопот, имела в виду ее лучшая подруга. «Если ты думаешь, что мой Орлов бегаёт по ночам к Эмме, то учти, что это полный бред. Мой Орлов на такие подвиги не способен. Он спит у меня под крылышком как сурок и никогда по ночам не просыпается, можешь уж мне поверить... Кроме того, навряд ли они могли обнаглеть до такой степени, чтобы заниматься такими вещами у меня под носом... Может, конечно, они тайком и вздыхают друг по другу, но не больше, уверяю тебя...» Теперь Зоя могла видеть Эмму в раздетом виде, ей доставляло удовольствие рассматривать ее белье, держать в руках флакончик с духами и даже тайком душиться ими... Она едва сдерживалась, чтобы не предложить Эмме расчесывать ее роскошные длинные рыжие волосы. Она читала в каком-то французском романе (который, правда, плохо кончался), как две подруги жили вместе и одна была прямо-таки влюблена в другую и старалась всячески угодить ей, расчесывала ее волосы, ласкала ее. Тогда Зое все это было непонятно, но теперь, когда она увидела красивую и, казалось бы, недостижимую Эмму, она поняла всю прелесть этих отношений. В ее чувствах к Эмме не было и намёка на лесбийскую любовь, в этом она прекрасно отдавала себе отчет, ей хотелось просто ПРИЧАСТИТЬСЯ к этой необыкновенной и таинственной девушке и, если появится возможность, заглянуть ей в душу... Но Эмма разочаровала ее в этом смысле. Она была закрыта для Зои. И в спальне, после того, как раздевалась и ложилась в постель, практически не произносила ни слова. «Спокойной ночи», – говорила с чувством Зоя, ожидая услышать какой-нибудь эмоциональный ответ, но слышала лишь слабое бормотанье: «Да-да, спасибо тебе...» Конечно, Зоя не могла знать, какие страдания испытывала Эмма по ночам, слыша рядом с собой дыхание совершенно чужого человека, которого наверняка приставила к ней Лора, чтобы понаблюдать за ней и лишить ее возможности соблазнить Сергея. Эмма много думала об этом, но так и не поняла: догадывается ли Лора о том, что Сергей ей изменяет, или нет. Либо у Лоры сильно развито чувство самодостаточности, не позволяющее ей выставлять напоказ свои эмоции, либо она действительно не допускает мысли об измене мужа. Другого объяснения ее очевидной близорукости Эмма не находила. Ей и в голову не могло прийти, что и у Лоры могут быть свои тайны и вытекающие из них проблемы, которые та собиралась решать с ее помощью.

* * *

Утром Зоя была страшно огорчена, когда услышала от Лоры:

– Поезжай домой, отдохни там от нас, Эмма с Сергеем поедут в город за продуктами, а я наконец выплусь...

Зоя так и осталась стоять посреди кухни с куском пирога в руке. Она даже не нашлась, что ответить на столь открыто высказанное пожелание Лоры избавиться от нее. На кухне они

были одни – Сергей и Эмма разошлись по своим комнатам, чтобы собраться в город, – а потому можно было быть предельно откровенными.

– Ты хочешь, чтобы я проследила за ними? – Зоя еще не верилось, что ее просто-напросто выставляют вон, а потому она лихорадочно искала другие мотивы столь неожиданного предложения Лоры.

– Нет, Зоя, ни за кем следить не надо... неужели ты думаешь, что я опущусь до такой низости?... Кроме того, я хорошо знаю Орлова, он не способен – я уже тебе говорила об этом – на ТАКОЕ... Просто мне хочется побыть одной. Да и тебя загружать лишней работой мне не хотелось бы... Ты и так довольно много времени провела здесь, помогая мне по хозяйству... Если бы не ты, не знаю, как бы я закрутила огурцы... У меня тоже есть совесть, а потому ты можешь спокойно возвращаться домой, не думая, что чем-то обязана мне...

Лора все говорила и говорила, а Зоя, машинально проглотив пирог, чуть не подавилась, пытаясь ей возразить. Все было предельно просто: ей вежливо отказывают от дома. Но почему? За что?

– У тебя плохое настроение? – спросила она, все еще не веря в услышанное. – Что случилось? Почему ты хочешь от меня избавиться?

– Настроение у меня как раз отличное... Зоя, давай оставим этот разговор... В конечном счете ведь не я же виновата, что у тебя так скоро вышли все деньги – и отпускные, и те, что тебе давал твой любовник... – Лора бросила на ошарашенную подругу насмешливый взгляд, ее глаза сверкнули ледяным зеленоватым блеском. – Кроме того, мне действуют на нервы твои постоянные разговоры о моем муже и Эмме... Позволь мне разобраться во всем этом самостоятельно... Ведь я не сую нос в твои делишки... Ты спишь с кем хочешь и когда хочешь, тебя бросают, ты бросаешь, в сущности, это твоя жизнь... Из тебя бы получился хороший провокатор, но на сегодняшний день я в твоих услугах не нуждаюсь...

Зоя онемела. Все пять лет их дружбы она, оказывается, принимала Лору за совершенно другого человека.

– Я не знаю... не знаю, что я такого тебе сделала, но ты сильно пожалеешь о том, что только что сказала мне... – Ее голос дрожал от слез. Зоя была близка к истерике. – Я как дура горбатилась на твоём огороде, а ты... ты...

– Но я же тебя и кормила, не так ли? И я никому не позволю лезть своими грязными ногами мне в душу... Поэтому поспеши, может, ты успеешь на девятичасовую электричку... А что касается тяжкого крестьянского труда, то запомни: люди всегда разделялись на тех, кто работает, и тех, на кого работают. Так было всегда. И не я виновата в том, что ты относишься к первым. Ты работала, а я тебя кормила, все по справедливости...

Лора и сама-то не ожидала от себя такой жестокости. И уже минут через пять пожалела о сказанном, но обратного хода все равно не было: Зоя теперь никогда не простит ей этих слов. А потому остается одно: расстаться с ней без сожаления. Сколько еще таких вот Зой встретит она в своей жизни! Сегодня в десять приезжает Валентин, и она не позволит никому помешать их встрече. Вспоминая какие-то фрагменты их последней встречи, она даже не заметила, как Зоя ушла, и очнулась лишь после того, как сильно хлопнула входная дверь.

– Ничего себе, – услышала она голос Сергея, который вышел из спальни и теперь на ходу надевал полосатую сине-белую футболку. – И кто же это у нас так хлопает дверями? Уж не Эмма ли?

Он спрашивал так не потому, что беспокоился о двери, а потому, что, услышав громкие голоса, подумал, что это спорят Лора с Эммой, и выскочил из спальни, чтобы в случае необходимости остановить Эмму... Но по спокойному и умиротворенному виду жены он понял, что ничего страшного не произошло.

– Зоя уехала... Сказала, что ей надоело возиться на огороде, что соскучилась по цивилизации...

– А Эмма еще не спускалась?

– Нет... Что-то она там притихла...

А Эмма, нечаянно подслушав весь разговор Лоры с Зоей, стояла у двери спальни наверху и долгое время не могла пошевелиться, настолько была шокирована поведением Лоры. Неужели та милостивая светловолосая женщина, которую она увидела здесь впервые несколько дней тому назад, и эта мегера, так безжалостно выгнавшая из дома свою самую близкую подругу, – один и тот же человек? И Сергей живет с ней столько времени?! Интересно, он-то знает, что представляет собой его жена?

– А вот и твоя Эмма, – сказала, стараясь выглядеть радостной, Лора. – Что-то ты долго собиралась... Кстати, ты же все равно едешь в город, можешь заехать к себе домой и переодеться, а то и прихватить какую-нибудь одежду... Что ты, Сережа, на меня так смотришь? Я женщина и отлично понимаю, как это сложно – каждый день ходить в одной и той же юбке и блузке... Я права, Эмма?

– Да, конечно... Но боюсь, что не смогу заехать домой... Видите ли, мне вообще-то опасно появляться в городе... Наверно, Сергей, ничего не говорил вам, но я... сбежала из дома...

– От родителей?

– Нет... От мужа... Понимаете, я полюбила другого человека...

– Так, значит, у тебя есть и муж и... извини... любовник?

– Звучит, прямо скажем, не очень-то... – Эмма и сама не знала, зачем придумала эту байку, очевидно, из желания внушить Лоре, что ей малоинтересен Сергей, поскольку у нее и своих мужчин более, чем достаточно. Лучше уж солгать, чем оставаться в городе и опасаться встречи с Перовым. К тому же лгать Лоре – сплошное удовольствие: после сцены с Зоей Лора сильно упала в глазах Эммы, и угрызения совести, мучившие ее все эти дни, которые она проводила вместе с Сергеем, моментально улетучились.

– Да, можно сказать, что у меня есть любовник... – Она довольно дерзко посмотрела Лоре в глаза и даже усмехнулась, вдруг почувствовав необычайную легкость и умиротворение. – Если получится, я, конечно же, заеду за вещами, а то и вовсе не вернусь... Поэтому давайте на всякий случай попрощаемся... – Она сделала паузу, давая Лоре возможность осознать услышанное. – Спасибо вам, Лора, за все, что вы с Сергеем для меня сделали... Я не рассказала вам все с самого начала, потому что находилась в жутком состоянии... Но сейчас мне стало лучше, я, можно сказать, оправилась...

Она чувствовала горячий и пронзительный взгляд Сергея, который слушал ее с недоумением и дожидаться не мог минуты, когда же они наконец смогут остаться одни. Она говорила о расставании намеренно, чтобы лишить себя возможности действительно вернуться сюда. «Все равно долго так продолжаться не могло бы... Надо что-то решать... А так какие-то решения придется принимать Сергею...» В душе она хотела, чтобы он расстался с нею, потому что в городе, куда они сейчас с ним собирались, все напоминало ей о ее НАСТОЯЩЕЙ, реальной жизни... Она понимала, что Сергей еще не до конца осознал, КАК жила в этом городе Эмма. Как не мог он представить и ее многочисленных любовников и всего того, что обычно сопровождает подобные свидания...

Но, с другой стороны, она бы отдала половину жизни, чтобы остаться с Сергеем. Потому что чувствовала себя рядом с ним защищенной и любимой.

– Смотри... А впрочем – как хочешь... – Лора пожала плечами: скатертью дорога. – Тебе виднее...

Она снабдила их списком продуктов и проводила с крыльца. Затем вернулась в дом и посмотрела на часы: половина десятого. «Еще полчаса...» Она открыла холодильник, достала бутылку красного испанского вина, миску холодной клубники со сливками (она взбивала их рано утром, когда все еще спали), запеченную в фольге курицу и сложила все это в корзину.

Открыла буфет и извлекла оттуда остатки вишневого пирога и два рогалика с маком и тоже положила в корзину, после чего прикрыла ее чистой салфеткой и пошла в спальню – приводить себя в порядок перед свиданием. Спустя сорок минут она, одетая в красное прозрачное платье, стояла на крыльце и всматривалась в шедших по дороге мимо ее дома дачников, которые прибыли из города десятичасовой электричкой. Увидев Валентина, Лора вздрогнула и, дождавшись, когда он заметит ее, помахала ему рукой.

* * *

Они вышли уже на следующей станции. Сошли с насыпи и пошли в сторону зеленого холма.

– Ты говорила Лоре, что, может быть, не вернешься... – Сергей усадил Эмму на траву под кустом акации и обнял ее. – Что ты опять надумала?

– Сережа, ты сходишь с ума... Ты так смотрел на меня все это время, что только слепой мог не догадаться...

– Тсс... – Он опрокинул ее навзничь и принялся покрывать поцелуями ее лицо. – Не надо ничего говорить... Я так долго ждал, когда же мы наконец останемся вдвоем...

Он склонился над ней, и Эмма увидела в его седых курчавых волосах травинки. Она провела пальцами по его загорелым скулам, губам и лизнула щеку. Рука Сергея заскользила под юбкой, поглаживая бедра и поднимаясь все выше и выше.

– Ты сама все снимешь или хочешь, чтобы это сделал я?

– Сделай ты... У тебя лучше получится... – Она изогнулась, помогая снять с себя трусики. Эмма замерла, чувствуя, как он входит в нее, и задышала часто, забыв все, что собиралась ему сказать. Она ощущала его внутри себя, слышала крики птиц, которых они растревожили, да шум листвы над головой. Небо кружилось вместе с верхушками акации, слепящей белой монетой утреннего солнца, крыльями птиц и смазанными очертаниями близких холмов...

– Я люблю тебя, я всегда буду тебя любить... Я никогда прежде не любил... Я хочу быть всегда с тобой... – Он говорил, как бредил. Они лежали на траве, обнаженные, и смотрели в небо.

– Я тоже тебя люблю, Сережа...

– Не надо... Не надо ничего говорить... Я знаю, что ты хочешь мне сказать, но я уже все решил... Я сегодня же поговорю с Лорой... И она все узнает о нас с тобой. Конечно, это будет трудный разговор, но я бы не хотел начинать нашу с тобой жизнь со лжи... Ты очень много значишь для меня... Понимаешь?

Она повернулась к нему и уткнулась лицом в его горячую, пропахшую травой и потом грудь.

– Давай останемся здесь... Построим шалаш и будем жить... Ты будешь уезжать утром на работу, а вечером возвращаться...

– Милая...

– Ты знаешь цену драгоценностям... Тебе повезло, ты каждый день видишь красоту... Ты создаешь ее или помогаешь ей проявиться...

– Давай я помогу тебе одеться... Если тебе интересно, я расскажу тебе о своем новом заказе... И кто знает, может, ты подашь мне хорошую идею...

Он помог ей надеть юбку, поцеловал ее колени через шелковую ткань, поднял кверху тяжелую волну спутанных волос, отпустил их, и они с тихим шелестом рассыпались по плечам...

– Как же ты красива, Эмма... Но я должен тебе признаться, что всегда, когда смотрю на тебя, думаю о Перове... Ты должна свести меня с ним, я уверен, что мы договоримся... Если

он такой, как ты о нем рассказывала, то деньги в его жизни играют не последнюю роль... В крайнем случае, мы просто уедем...

– Куда?

– В Москву... У меня там живет друг, он одинокий человек и очень предан мне... Он уже давно зовет меня к себе... Это ведь благодаря ему у меня есть работа и клиентура...

– И ты часто бываешь в Москве?

– Уж раз в месяц, во всяком случае, бываю точно. А почему это тебя так встревожило?

– Значит, ты скоро уедешь?.. – От этого слова «уедешь» повеяло холодом. – Да, ты прав, мне надо расстаться с Перовым, но ведь если ты уедешь, он обязательно найдет меня... Сережа, я боюсь... Пока ты не говорил о Москве, мне не было страшно, но теперь, когда я точно знаю, что ты уедешь, меня охватывает ужас... Где же я буду жить? Если я вернусь к себе домой, Перов сразу же явится...

– Но я же поговорю с ним ДО Москвы, так что можешь не переживать... Успокойся, ба, да у тебя снова глаза на мокром месте... – Он прижал ее к себе и начал гладить по голове, как маленькую девочку. – Все, успокаивайся, мы едем в город... Возможно, что уже сегодня мы встретимся с твоим Перовым... Только вот жаль, что ты не знаешь его адреса...

* * *

В электричке, когда Эмма окончательно успокоилась и улыбка снова заиграла на ее загорелом лице, Сергей достал блокнот и принялся объяснять, что хочет от него заказчица.

– Понимаешь, колье и серьги должны быть связаны какой-то идеей...

– Идеей? Вот бы никогда не подумала... Разве не достаточно красивого узора, какого-нибудь орнамента? Уже то, что ты будешь иметь дело с золотом, платиной, бриллиантами и изумрудами, говорит о том, что узор должен быть если не примитивным, то уж во всяком случае простым... Зачем усложнять?

– Возьми карандаш и попробуй нарисовать эскиз колье. Таким, каким ты его себе представляешь... – Орлов достал карандаш и протянул его вместе с блокнотом Эмме. Они сидели возле окна, и солнце играло волосами Эммы. В вагоне было почти пусто. Женщина, сидящая напротив, задумавшись, ела клубнику. Возле нее на полу выросла целая горка зеленых, похожих на цветки ромашки, клубничных лепестков.

Эмма уверенно взяла карандаш и для начала нарисовала овал, затем, подумав немного, в самом центре, снизу, начертила нечто, по форме напоминающее лицо, затем от него в разные стороны потянулись волнистые лучи... Через пять минут колье напоминало растрепанную головку хорошенькой девушки с огромными глазами и улыбающимся ртом.

– Ну вот, а ты говорила, что идея не нужна.. Смотри, как хорошо вышло... Я, правда, не уверен, что моей заказчице это подойдет, но если она согласится, то, по-моему, получится весьма оригинальная вещица... Глаза можно сделать из изумрудов, лицо из бриллиантовой россыпи, а волосы из золота и платины... Ты когда-нибудь занималась живописью или рисунком?

– Да нет... Просто иногда рисовала для себя... Мне больше нравится играть на гитаре... Я и стихи сочиняю, но только всегда их пою... Правда, терпеть не могу слово «бард», оно какое-то жесткое и грубое... Куда красивее звучит: стихи и музыка, согласишься?

– Соглашусь... А ты позволишь мне использовать твой эскиз?

– Пожалуйста, я их знаешь, сколько могу тебе нарисовать... Так что насчет идеи ты, наверное, был прав... Я просто как-то не сообразила...

Они сошли с электрички в полдень.

– Мы сейчас на рынок? – спросила Эмма. – Тебе Лора во-он какой список большущий составила... И как же мы столько унесем, тем более что я вроде бы распрощалась с ней, а это означает, что все продукты понесешь ты сам...

– Ни на какой рынок мы сейчас не поедем... Сначала покажешь мне, где ты живешь, а потом мы попытаемся выяснить, где живет твой Перов... Но скорее всего нам этого и выяснять не придется: увидев свет в твоей квартире, он зайвится сам... Я прав?

– Наверное... Тогда поехали на Садовую...

– Нет, мы сначала возьмем такси, доедем до моего гаража, пересядем на машину и только тогда отправимся на Садовую.

– У тебя есть машина? Тогда почему же ты едешь на электричке?

– Когда как... Надо же было мне сесть в электричку, чтобы встретить тебя... Я вижу, что у тебя лицо побледнело... Ты боишься Перова?

– Боюсь.

* * *

Сначала она позвонила в дверь. Словно Перов мог поджидать ее в квартире. Но на самом деле она сделала это, просто чтобы прийти в себя. Услышав знакомые звуки, Эмма достала из сумочки ключи.

– Открой лучше ты... У меня что-то руки дрожат...

Сергей взял ключи и открыл дверь.

– Заходи...

Он вошел, включил сразу в прихожей свет. Больше всего он боялся увидеть в квартире следы ТОЙ жизни, о которой рассказывала Эмма. Он и сам не мог объяснить, что ИМЕННО он боялся увидеть... Но когда вспыхнул свет и осветил прихожую, первое, что бросилось в глаза Орлову, это идеальная чистота. Он прошел в комнату и увидел белый ковер на полу, стеллажи с книгами, занимающие две стены, кожаный желтый диван, бархатные черные и оранжевые подушки, разбросанные по полу рядом со шкатулкой с вышиванием и вязанием... В спальне широкая кровать, накрытая покрывалом шоколадного оттенка.

– Здесь спали мои родители, – услышал он голос Эммы.

– У тебя хорошо... уютно... Ну что ж, будем ждать?..

– Хорошо... Ты жди, а я тем временем приму душ... а то я вся в траве и листьях... – она улыбнулась и показала на застрявшие в волосах травинки. – Если ОН позвонит, не открывай, скажи мне, я выйду из ванны... Он может быть опасен, не забывай об этом...

– У меня часы встали... Ты не знаешь, который сейчас час?

– Знаю... Взгляни, вон на стене часы... Половина седьмого...

– Седьмого? Как быстро пролетело время...

– Ты переживаешь за Лору? У вас же на даче есть телефон, позвони ей от меня и скажи, что задержишься, что у тебя дела в городе... если хочешь, конечно...

Эмма пошла в спальню, открыла шкаф и достала оттуда чистое белье, джинсы и черную кружевную трикотажную кофточку.

– Послушай, Сергей, ты ведь не исчезнешь?..

– Да куда же я могу исчезнуть, что ты такое говоришь?! Я буду ждать твоего возвращения... Иди, полежи в теплой ванне, успокойся... Я просто уверен, что сумею договориться с твоим тираном...

Она поцеловала его и скрылась в ванной. Посмотрела на себя в зеркало и не узнала собственного отражения. На нее смотрела розовощекая от загара, улыбающаяся и совершенно незнакомая ей девушка. «Она счастлива... – подумала Эмма про свое отражение и закрыла лицо руками. – Боже, как же она счастлива!»

* * *

– А ты бы могла бросить своего ювелира и выйти за меня замуж?

Лора открыла глаза, повернулась и, увидев сонное лицо Валентина, пожала плечами:

– Выйти... за тебя? Но ведь у меня сын...

– Я его усыновлю... Я люблю тебя, Лариса, и хочу всегда быть с тобой...

Он лежал голый поперек кровати, капли пота блестели на его теле. В доме было жарко, душно и пахло почему-то какими-то отвратительными духами.

Солнце залило большую комнату и высветило журнальный столик со следами трапезы: стаканы с остатками красного вина, миска с розовой жижей – это все, что осталось от клубники со сливками, горка тонких куриных костей и гроздь потемневших вишневых косточек...

– Кто-то разлил духи... Хозяева, наверное, – задумчиво проговорила Лора, испытывая почему-то отвращение и к этой комнате, и к скомканным влажным простыням, и, что самое удивительное, к этому пресыщенному и грубому мужчине, который, в самом начале их свидания удовлетворив ее желание, все остальное время практически насиловал ее, заставляя ее делать непривычные для нее вещи. Она поняла, что сильно просчиталась, пригласив его сюда, в это безопасное для встреч место, где им никто не мешал и где никто не мог... защитить ее от этого необузданного и ненасытного любовника. Совсем не о такой страсти она мечтала, лежа на постели рядом со своим патологически спокойным мужем, для которого секса не существовало вообще, а супружеские отношения он, по-видимому, понимал лишь как способ размножения. Поначалу такое положение вещей устраивало и Лору, она была счастлива уже тем, что вышла замуж за красивого и умного мужчину, талантливого ювелира, богатого человека, наконец. Но потом эта пресная семейная жизнь ей надоела, ей захотелось разнообразия, любви, страсти, даже, быть может, страданий... И вот тогда в ее жизни появился Валентин. Они познакомились с ним на улице, рядом с ее домом. Интересный молодой человек предложил ей помочь донести тяжелые сумки с продуктами. И она, как это ни странно, согласилась. То ли настроение у нее было хорошее и ей было приятно общество молодого парня, то ли сумки действительно были настолько тяжелы, что она была рада избавиться от них, отдав первому встречному, но таким вот довольно пошлым (по ее мнению) способом они и познакомились. Валентин в первый же день их знакомства предложил ей завтра встретиться в парке культуры. И Лора пришла. Она не узнавала самое себя. Ей хотелось услышать комплименты, ей было приятно осознавать, что в ком-то она вызывает желание, что ею восхищаются как женщиной... Она никогда не мечтала о карьере, а потому, закончив педагогический институт, вышла замуж, родила сына и как бы успокоилась, решив, что ее миссия на этом закончена. Она полностью погрузилась в быт, все силы бросила на обустройство новой квартиры, которую купил Орлов, и стала мечтать о переезде в Москву. Она понимала, что Сергею Москва необходима как воздух, что только благодаря другу Сергея Ядову они смогли бы закрепиться в столице и в прямом смысле озолотиться на одних частных заказах. Ядов был старше Сергея на десять лет и обладал редкой способностью приручать к себе людей. В его доме всегда были гости, они у него жили, ночевали, «кантовались», переживали семейные бури, общались, наконец... Ядов числился писателем, но зарабатывал себе на жизнь чем угодно, только не писательским трудом. Лора была уверена, что Ядов был ростовщиком в самом полном смысле этого слова и, кроме этого, имел проценты за посреднические услуги от ювелиров, художников, скульпторов и даже композиторов. Его рекомендация дорогого стоила. «Ядов не гомосексуалист?» – спросила она как-то Сергея и получила вполне исчерпывающий ответ: «Ядов – гедонист. И женщины его обожают».

Валентин поцеловал ее тогда прямо в парке, на скамейке. И сделал это так неожиданно, что она вся затрепетала и даже не успела испугаться. Больше того, этот напор и нахальство Валентина ее распалили. На следующий день он пригласил ее в ресторан, после чего Вален-

тин привез ее в какую-то маленькую квартирку, расположенную прямо в центре города, и продержал в постели больше двух часов. Это оказалось для нее такой физической и эмоциональной нагрузкой, что она приходила в себя целых три дня, много ела, спала и несколько раз на день принимала ванну. Ей казалось, что на ее теле повсюду остались следы мужчины, обрадовавшегося с ее телом, как с куклой, у которой нет ни костей, ни мышц, а сплошная мягкая и податливая плоть, и с этой плотью можно делать все, что душе захочется. Вскоре Валентин позвонил ей, но она отказалась от встречи. Но по прошествии недели ее настроение резко изменилось. Теперь уже она хотела видеть его, хотела снова оказаться в маленькой квартирке, на диване, чтобы испытать все то, что уже испытала... Ей начали сниться эротические сны. Когда ей приснился их кот Гофман в человеческий рост, который вошел к ней в спальню, поражая ее воображение фантастической расцветкой попугая – розовые с желтым лапы, голубая спинка и ядовито-зеленая пушистая грудка, – и предложил ей раздеться, она поняла, что наступил физиологический кризис, и утром, услышав по телефону голос Валентина, согласилась на следующую встречу без колебаний. Но в этот раз они занимались любовью прямо у нее дома. Сашу она отвезла к своей матери, Орлов уехал к Ядову в Москву. Когда она спросила Валентина, почему они должны встретиться именно у нее, а не на той квартире, где были в последний раз, он ответил довольно просто: «Так интереснее...» И оказался прав. Принимая его на постели, где еще недавно они спали с мужем, Лора испытывала очень странные и противоречивые чувства. С одной стороны, привычные ее взгляду вещи охлаждали ее, но с другой – близость на этом домашнем фоне с сильным и грубоватым мужчиной лишь усиливала в ней чувственность. Лежа в объятиях Валентина, она уже потом тысячу раз пожалела, что согласилась принять его у себя дома, и остальные полтора часа с нетерпением ждала его ухода, а когда он ушел, легла в ванну и приходила в себя еще с час, прежде чем позвонить матери и сказать ей, что вскоре придет за Сашей.

Она успела отдохнуть от Валентина, лишь когда они всей семьей переехали на дачу. Но он звонил и туда, сообщал, какой электричкой едет, и Лора как загипнотизированная шла его встречать. Он приезжал не часто, но его приезды вносили в ее жизнь ощущение праздника, преступления и вины одновременно. После свиданий с Валентином, которые происходили где придется, начиная от поляны за лесопосадками и кончая лавкой на станции (это произошло в пять утра, и просто чудо, что их никто не увидел), ее семейная жизнь показалась ей той отдушиной, куда можно спрятаться, чтобы перевести дух, прийти в себя, почистить перышки, набраться сил, чтобы через несколько дней вновь пуститься во все тяжкие... Самое удивительное в истории ее любовных отношений с Валентином, что они никогда не были ЛЮБОВНЫМИ. Это был секс в чистом виде, о чем Валентин и говорил ей при каждом удобном и неудобном случае. Более того, он, терапевт по специальности, убеждал ее в пользе этих отношений и приводил в пример многих своих пациенток, страдающих от отсутствия «мужских гормонов». Он так и говорил «от мужских гормонов», а не от любви или, скажем, мужской ласки. Валентин был циником и даже бравировал этим. А Лора жила как в чаду.

Зоя в этом плане служила отличным прикрытием. Она присматривала за Сашей, возилась на огороде, предоставляя Лоре полную свободу действий. И если бы она не упоминала по сто раз на дню о возможном романе Сергея с Эммой, Лора, может, и промолчала бы, сдержала все накопившиеся упреки... Но Зоя уехала и теперь навряд ли вернется...

– А ты не хочешь познакомить меня с твоим мужем? – услышала она голос Валентина и очнулась от своих мыслей. Ей уже давно хотелось покинуть эту постель, а потому она была как-то не расположена к пустым беседам с любовником.

– С Орловым? Это еще зачем?

– Глупая, тогда мы бы могли встречаться с тобой чаще... Представляешь, муж выходит из комнаты, а я обнимаю тебя... Это же такие острые ощущения... Я буду вхож в ваш дом,

стану другом вашей семьи... Подключи всю свою фантазию, Лариса! Я смог бы даже ночевать в вашем доме...

– Ни к чему это, Валя. Это опасно, а я не собираюсь рисковать собственным благополучием ради этих, как ты говоришь, острых ощущений... Меня устраивают наши нынешние отношения...

– А меня нет... – по его тону она поняла, что он недоволен.

– Почему же?

– А потому, что мне этого мало... Я приезжаю, удовлетворяю тебя и уезжаю... А тебе не приходило в голову, что я тоже человек, которому нужно принять ванну, поужинать нормально, а не так... – Он кивнул в сторону журнального столика. – Кроме того, мне кажется, что у тебя довольно интересный муж... И мы могли бы заниматься сексом... втроем...

– Что? – Она подскочила с подушки и села, все еще не веря в услышанное. – Да ты что, с ума сошел? Ты не знаешь Орлова, да если он узнает... Он убьет меня!

– Вы все так говорите... Просто ты сама не знаешь своего мужа. Я уверен, что у него есть любовница. Иначе он не мужик.

– Да нет у него никого! Он не такой...

– Но ведь и ты была не такая. Люди меняются, и ты тому прекрасное доказательство. Разве могла ты когда-нибудь представить, что будешь заниматься такими вещами на даче своих друзей?..

«Вот бы узнали Листовы...» – пронеслось у нее в голове. И ей стало жарко.

– Давай прекратим разговор на эту тему... Он мне неприятен...

– Я бы хотел побывать на вашей даче... Пожалуй, я останусь сегодня здесь, а ночью приду к тебе... У вас же не одна комната? Наверное, есть еще и веранда, и летняя кухня, ты же мне сама рассказывала...

– Забудь об этом, – теперь уже Лора по-настоящему испугалась. Она меньше всего хотела бы принимать Валентина на даче, где такая слышимость, где все рядом, а стенки тонкие... – Этого никогда не будет...

– Будет, еще как будет... Просто ты еще не испытывала этого... Поверь мне, это непередаваемые ощущения...

– Ты маньяк? Ты сексуальный маньяк?

– Возможно. Но ведь тебе это всегда нравилось. Иначе бы ты со мной не встречалась... Я сделал из тебя настоящую женщину: чувственную, страстную... разве я не прав? – Он запустил руку ей между бедер, отыскал самое чувствительное место и слегка надавил на него. – Стонешь? То-то же... Так что жди меня, кошечка, сегодня ночью... Часа в два...

– Только не сегодня! Я не могу, я не... хочу... Приезжай лучше завтра...

– Ты у меня устала? Ну хорошо, завтра так завтра...

Она облегченно вздохнула, когда он вдруг поднялся с постели и принялся одеваться. Значит, на сегодня все закончилось. Она быстро прибралась, завернула остатки еды и грязную посуду в салфетку и все это сунула в корзину, затем привела в порядок постель.

– Ну ты иди... А я чуть позже... До завтра... – Она проследила, как Валентин вышел из дома и быстрым шагом направился к калитке. – Надо с ним завязывать... Еще несколько встреч – и я умру от переутомления...

Глава 5

С. Июль 1996 г.

Сергей стоял на кухне возле окна. Остановилась машина, из нее вышел молодой мужчина, зашел в подъезд, но через несколько минут вернулся, сел в машину и уехал. «Перов?» Теперь в каждом из входящих в подъезд молодых мужчин он будет видеть Перова. Но что он станет делать, когда придет настоящий Перов и позвонит? Или, еще лучше, откроет дверь своими ключами, войдет в квартиру, увидит Орлова... Что будет дальше? Как он себя поведет? Набросится на Сергея с ножом или пистолетом? Как с ним себя вести? О чем говорить?

Он слышал, как шумит вода в ванной, потом раздался звук, словно что-то упало. И Сергей тут же представил себе, как Эмма, разнервничавшись, роняет на пол флакон с шампунем... Сейчас она выйдет к нему, он обнимет ее и поцелует... Он постарается ее успокоить насчет Перова, скажет, что уже все придумал...

Между тем в подъезд вошел пожилой господин («Ее любовник?»). Да, она была права, когда говорила, что их отношения будут складываться непросто. И если там, на даче, все сказанное Эммой казалось лишь полубредом-полуреальностью, то здесь, в городе, все рассказанное ею обрело сероватый налет обыденности происходящего. Негодяй Перов шантажирует Эмму, заставляя ее спать с мужчинами. Мужчи́нами? И сколько их? Как ведет она себя с ними? О чем говорит? Что они делают с ее нежным телом? Целуют? Лапают?

Сергей смотрел на проезжающую прямо под окнами машину, и смутное чувство, что он ее уже где-то видел, шевельнулось в нем. Что же это за марка такая?

Сердце его вдруг учащенно забилося, а где-то в глубине души он ощутил холодноватую пустоту. Он бросился к ванной, распахнул дверь и понял, что опоздал: Эммы там уже не было. В ванну по-прежнему лилась из крана вода, шумел душ, на полу виднелись мокрые следы и даже лужи, а на зеркале он увидел брызги крови...

* * *

«Фольксваген»... у Перова был «Фольксваген», она же сама мне рассказывала об этом...» Сергей, оставшись в пустой квартире, снова подошел к окну и попытался себе представить, что же именно произошло. Значит, пока он стоял у окна кухни и думал о любовниках Эммы, Перов открыл дверь квартиры своими ключами, услышал шум воды в ванной комнате, распахнул ее и, увидев Эмму, возможно, ударил ее, чтобы бесчувственную вынести из ванной... После чего уже вместе с Эммой вышел из квартиры, спустился по лестнице («Неужели он не боялся, что его кто-нибудь увидит?..»), посадил Эмму в свою машину, но выехать со двора незамеченным не смог, единственная дорога проходила как раз под окнами Эммы.

Сергей понимал, что даже если попробует сейчас догнать синий «Фольксваген» Перова, он вряд ли отыщет его в многочисленных проулках и тупиках этого старого квартала. Перов ушел, но ушел с добычей, а Сергей потерял Эмму... При мысли, ЧТО ей только что пришлось испытать и что ожидает ее позже, когда она придет в себя – а он был уверен, что Эмма в момент, когда ее похищали, находилась в бессознательном состоянии, – ему становилось невмоготу... Где ее искать? Где искать Перова? Обращаться в милицию? А почему бы и нет?..

Сергей обошел квартиру, сам не понимая, что он ищет, пока наконец не сообразил оставить прямо на столе записку, в которой сообщил все свои координаты: адрес, номера телефо-

нов – домашний и дачный – и даже московские адрес и телефон Ядова, в случае если Эмма появится здесь лишь через неделю.

Он вышел из квартиры, захлопнув за собой двери, сел в машину и поехал в ближайшее отделение милиции.

* * *

Эмма была в полном сознании, когда позволила Перову увести себя. Другое дело, что она была словно парализована. Увидев Перова, который ворвался к ванную, она сразу онемела и застыла с полотенцем в руках... Перов достал пистолет и направил его прямо ей в лицо:

– Значит так, девочка, если ты сейчас пикнешь, я разможжу тебе голову, это, во-первых, а во-вторых, перебую всех тех, кого ты сюда привела... Кто там, на кухне? Чьи кроссовки в прихожей, ну, отвечай! – Он ударил ее по лицу, из носа брызнула кровь...

Но она молчала, чувствуя, что теряет силы. Она знала, что Перов не шутит, и раз он здесь, значит, ждал ее все эти дни, караулил возле дома... И теперь он, конечно же, не оставит ее в покое... Но рисковать жизнью Сергея она не имела права... А потому молча накинула на себя халат и покорно вышла за Перовым из ванной, как пьяная спустилась по лестнице, прижимая к носу мокрую салфетку, и только в машине лишилась чувств...

Она пришла в себя от того, что Перов похлопывал ее по щекам.

– Очнулась? Вот и отлично. Выходи, приехали...

Она узнала этот дом. Он стоял особняком прямо на набережной. В нем жил один из ее клиентов, некий Борис Ефимович Латынин, директор крупной мебельной фирмы, человек умный, расчетливый, но страшно закомплексованный и страдающий от одиночества.

– А ты думала, что я привезу тебя к себе и буду учить тебя жизни? Нет уж, дудки, пусть жизнь сама тебя учит... Я привез тебя РАБОТАТЬ, поняла? Я договорился с Латыниным, что ты поживешь у него дня два-три, а там видно будет... Будь с ним поласковой... Он ждет тебя...

Как же она ненавидела этого мерзкого и жестокого человека, его противный острый нос и эти маленькие подлые глазки...

– Перов, когда-нибудь ты заплатишь мне за все... Я тебя ненавижу... Ты еще хуже Холодного... Тот хотя бы испытывал ко мне страсть, а ты не способен вообще ни на какие человеческие чувства... Да, ты прав, в моей квартире кто-то был... Но вот кто, об этом ты узнаешь в свое время, когда этот человек найдет тебя...

– Заткнись... Тоже мне, защитника нашла... У него из-под носа увели бабу, а он даже ничего не услышал... Выходи из машины, чего сидишь?... Забыла, зачем я тебя сюда привез? – Он схватил ее за руку и вытащил из «Фольксвагена». – И приведи в порядок нос... Кровь-то все равно уже не идет... не разыгрывай из себя тяжелобольную... Ты выглядишь бесподобно, и загар тебе явно к лицу... Думаю, что Латынин будет доволен...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.